

Наталия Шитова

Летель

Девчонка с изнанки

Annotation

Фантастические приключения в двух измерениях с ярко выраженной любовной линией. Женщинам категорически рекомендую, мужчинам — не запрещается! У Киры Аксёновой стержневой характер и не совсем обычная профессия. Она — наёмница Гатрийской империи, и её работа — летать между двумя этажами мироздания. Она ждёт-не дожждётся, когда же закончится её контракт. Больше всего на свете она хочет свободы и независимости... и счастья, конечно же! Но пока контракт действует, она всего лишь игрушка в чужих руках, да и влиятельный любовник не хочет отпускать её от себя. Одно из обычных на первый взгляд заданий переворачивает жизнь Киры, впускает в неё призраки прошлого и любовь, такую, что на все времена...

Наталия Шитова

Девчонка с изнанки. Апрель

Шаги преследователей я слышала отлично. Они меня потеряли, беспорядочно перемещались по первому и второму ярусу цеха, пытаюсь отыскать меня там. А я уже была у самого выхода на крышу. Полминуты, чтобы расслабить ноги и восстановить дыхание, а потом вверх, по металлическим скобам, на самую оконечность трубы мартеновского цеха. Труба старая, кирпичная, высоченная. Метров сто есть, а может и больше. Глазомер у меня не особенно, в отличие от слуха.

Интересно бы, конечно, выяснить, откуда вообще взялась эта толпа позади. Кто они, зачем, чего ради? Что им нужно: я или мой груз — коробочка в поясной сумке? И представляют ли они, что я сейчас собираюсь сделать? Возможно, они ползут следом. Возможно, кто-то из них двужильный и способен мне догнать на этих скобках. Значит, мне надо оторваться как можно дальше, чтобы не поймали по пути наверх. А там, на вершине, кто бы они ни были, эти люди, вряд ли кто-то осмелится пойти за мной до конца.

Я вышла на крышу цеха.

Основание трубы опоясывал высокий забор с калиткой, которая была даже не закрыта — заварена намертво. А поверху — спираль из колючей проволоки. Очень приятно. Мне, правда, это не мешает: к счастью, забор нехитрый, из вертикальных прутьев, а расстояние между ними очень даже подходящего размера. Я сняла с пояса сумку, добавлявшую мне лишней толщины, просунула её между прутьями, а потом и сама протиснулась боком. С трудом протиснулась. Но зато могу быть уверена, что резвые парни, которые меня ловят, точно не пролезут, там среди них худышек нет, одни качки. Пускай через верх лезут, не बारे.

Я надела сумку обратно на пояс и подошла к самой трубе, туда, где над моей головой начинался бесконечный ряд ступеней прямо в небеса. Я подпрыгнула, подтянулась, зацепилась рукой за вторую скобку, и дело сделано: путь наверх открыт.

Я вдохнула-выдохнула и полезла вверх.

Время от времени я поглядывала вниз, пытаюсь разглядеть, что там с моими преследователями. Они высыпали на крышу, все шестеро, нарезали круги вокруг забора. Потом вроде как начали подсаживать друг друга, чтобы перелезть через колючку.

Я двигалась вверх, стараясь не снижать темп. Ветер на высоте был сильный и, как на грех, боковой. Сдуть бы меня, конечно, не сдуло, но держать нужную мне скорость было трудно. Посмотрев в очередной раз вниз, я увидела, что первый из жаждущих меня остановить уже одолел метров двадцать и лезет вверх бодро и упорно.

Ну что ж, усиленная физзарядка тоже иногда на пользу. Я попыталась ускориться. Чем ближе к вершине, тем руки-ноги совсем мне отказывали, но зато я вылезла наверх куда раньше первого из ползущих следом. Ему оставалось ещё минуты две. Значит, у меня есть время на вдох-выдох.

Я села на стенке трубы, собирая всю немыслимую грязь на себя. Это ничего, сейчас потоком обдует, прилечу чистенькая.

Этот канал когда-то, лет двести назад, очень часто использовали. Потом, когда построили завод, всё, конечно же, заморозили. Но вот, цех остановлен уже много, очень много лет назад. После этого департамент снова разрешил использовать эту шахту. Только вот, судя по слою смолистой грязи и жирной рыжей копоти, это и сейчас делали нечасто. Возможно, что я даже буду первой за последние лет пять.

Я проверила, крепко ли держится на мне сумка, потом осторожно заглянула вниз, на ряд скоб. Парень уже подбирался к самому верху, я видела, как блестят его слезящиеся от ветра глаза.

Время отдыха вышло. Я встала на колени, потом присела на корточки, выпрямилась, и позволила порыву ветра сбросить меня в трубу. В полной темноте я полетела вниз.

Сейчас ускорение, мой импульс в ответ и проход через грань изнанки. И можно расслабиться, встать на автопилот. Дальше канал будет общаться со мной ненавязчиво и мягко, и я даже собственных реакций не замечу, всё пойдёт само по себе, по накатанной.

Когда я поняла, что нужная скорость уже набрана, а канал на мой посыл вообще никак не реагирует, я сначала не поверила.

Нет, такое возможно. Очень даже возможно, если прыгаешь в шахту, которую кто-то недавно попытался разрушить. Мне уже приходилось попадать в повреждённый канал, никому не пожелаю. Но о таком обычно курьера предупреждают. Бывают случаи, что нет другого пути, как нырнуть в повреждённый канал. Всякое бывает в нашей сволочной жизни, и такой вариант ещё не самый поганый. Тогда ты готов и знаешь, в какой момент надо принять меры. А в конце пути тебя ещё ждёт приятный бонус в виде неплохой премии от департамента. А самый поганый вариант — вот именно этот, когда думаешь, что всё пойдёт своим чередом, а на деле тебя подставили. И премии не будет по той простой причине, что живой до места ты, скорее всего, не доберёшься. А самая печаль во всём этом, что «ты» в данном случае я.

Кто-то пытался разрушить этот канал. Это не так-то просто, но какие-то связи им удалось уничтожить.

Грань изнанки я всё-таки прошла. Значит, не будут меня отскребать от кирпичей в заброшенном цехе, уже легче. Хотя на самом деле всё было плохо. Вместо обычной лёгкости и пьянящего головокружения, вместо невесомости и эйфории я каждой косточкой чувствовала сопротивление слоёв. И каждый слой замедлял полёт. И это становилось больно. И чем дальше, тем больше. Я видела, как вздуваются вены на тыльной стороне ладоней, как становятся яркими, а потом тёмными и, наконец, лопаются сосудистые сеточки на предплечьях. И чёрные гематомы разливаются в мышцах, делая их горячими, но непослушными и практически мёртвыми. Так бывает, когда канал повреждён: он не отвечает на твоё воздействие, а начинает разрушать твоё тело.

Я летела всё медленнее. С одной стороны, так и должно быть: чем ближе подступала грань поверхности, тем медленнее летишь. Ведь надо пройти через грань и не разбиться в лепёшку, а для этого скорость полёта надо погасить. А с другой стороны, если скорость упадёт слишком рано, то в приграничном слое очень прекрасно можно завязнуть. Бывала я там, видела истлевающие тела тех, кто не справился.

Я чувствовала, что моё тело горит, капилляры рвутся. Полёт мне больше не подчинялся. Если не хватит инерции, я завязну. И пока кто-то всё правильно поймёт, пока решат кого-то послать за мной, станет поздно. Настолько поздно, что никого уже можно и не посылать — бессмысленно.

Я запаниковала. А этого нельзя делать. Тот, кто начинает паниковать в слоях, обречён. Тело перестаёт слушаться, мозг цепенеет, и все реакции, необходимые для полёта сквозь слои, замирают окончательно.

Успокоиться мне помогли две мысли. Первая — что до желанной свободы мне осталось всего два месяца. Хороша же я буду, если до дембеля рукой подать, а я, как зелёная

малолетка, сгину в слоях по собственной глупости. Вторая мысль — что я лучше всех своих собратьев по несчастью умею работать с вертикальными каналами, а значит, справлюсь.

Канал не отзывался, канал меня гребил, но я каким-то чудом прошла через грань и вывалилась на поверхность сравнительно мягко. Если можно было так назвать падение на битый кирпич и каменную крошку в каких-то развалинах. Я даже не сразу сообразила, что меня принесло не на центральную базу департамента, а на старую площадку, что довольно далеко от столицы.

Я упала на бок, потом завалилась на осколки кирпича вниз лицом и лежала, не в силах пошевелиться. Если дежурные не дрыхнут или не позвали на пост девочек скоротать вечерок, то найти меня они должны минут через десять.

И точно, через некоторое время я услышала, что по битому кирпичу кто-то бежит... Даже двое. Один остановился метрах в тридцати, второй продолжил двигаться в мою сторону. Я легко могла определить на слух такие подробности даже в полуобморочном состоянии.

— Я её нашёл! — крикнул тот, кто был ближе ко мне.

— Жива? — отозвался второй голос.

— Не знаю, сейчас посмотрю.

Первый подбежал ко мне, просунул руки мне под мышки и не особо аккуратно перевернул меня вверх лицом.

— Ты глянь... — сочувственно протянул он. — Досталось ей. Но дышит вроде.

— Осторожнее её ворочай, — буркнул второй, приблизившись. — Это самого командора девка. Он уже три раза о ней спрашивал. Голову снесёт.

— Нам-то за что? Не мы же её покалечили.

— А он, говорят, не будет разбираться, кто.

Тут же послышались тяжелые шаги, и оба дежурных в панике подскочили.

— Курьер прибыл, командор! — отрапортовал один из них.

Тут же я почувствовала на себе руки командора. Он осторожно пощупал пульс на моей шее и провёл пальцами по лбу, убирая волосы.

— Кира, ты меня слышишь?

— Да, командор, — ответила я, не открывая глаз. Сил на это не было совершенно. — Груз цел. В поясной сумке. Забери.

— Хорошо. Ты молодец, ты справилась.

— Шахта засвечена, Йан. Канал сильно повреждён.

— Я понял. Я разберусь, — отозвался он. — Не болтай попусту, тебе сейчас нельзя.

Он поднялся на ноги и гаркнул на дежурных так, что даже я вздрогнула:

— Что столбами встали?! Врачей сюда, быстро!

* * *

Кто подозревает, что на этой земле всё поставлено с ног на голову, тот, в общем-то не ошибается.

Мы все живём на изнанке, а значит, практически вверх ногами. И, конечно же, мы этого не замечаем. Ведь не ударяет же кровь в голову австралийцам только потому, что мы их континент рисуем в южном полушарии. Так и все мы не замечаем того, что кто-то испокон

веков рисует наш мир на подкладке. А ведь наверняка и в эту самую секунду какой-нибудь смыслённый гатрийский малыш рассматривает карту мироздания, которую только что повесили в детской, и задаёт родителям умильный и очень логичный вопрос: «А как же они там на изнанке живут и вниз не падают?»

А мы не падаем. У нас всё пучком. У нас есть куча стреляющего железа, нанотехнологии, египетские пирамиды, хипстерские шляпы, СПИД, скайп, Джоконда в Лувре, антибиотики, социальные сети, эвтаназия, Интернет, блинчики с вареньем, вялотекущие войны, технология пересадки сердца, грязная нищета, неуёмная ненависть, котик на подушке, радуга после дождя... Да как начнёшь вспоминать, что у нас есть, так и вправду становится не очень понятно, как мы со всей этой фигнёй ещё пока никуда не упали, как нас ещё земля носит.

Но что интересно. Там, на поверхности есть не только всё то же самое, что и у нас. Там есть даже больше. Там есть то, что у нас пока ещё никому не приснилось и не родилось, не построено и не выращено в пробирке. Или наоборот, там всё ещё остаётся то, что мы когда-то выбросили за ненадобностью, забыли, пропили, поленились починить. У них прогресс вообще довольно разборчив в еде. Иногда такую гадость оставляет на тарелке, нет бы прожевать поскорее и забыть, так нет, тянет за собой, любителю... Но по большому счёту, их список всякой фигни от нашего отличается только размерами, но не сущностью. И у них, и у нас жить можно только если научиться фильтровать и брать близко к сердцу лишь то, что ты в силах вынести.

Так почему же мы — на изнанке, а они, видишь ли, на поверхности? А всё очень просто. Они нас раньше нарисовали. Точно также, как жители северного полушария Австралию нанесли на карту раньше, чем австралийские аборигены узнали, что такое карта.

Так что если кто-то просыпается по утрам в холодном поту и сразу же бросается в Интернет, проверить, что там нового у мировой закулисы, и не хочет ли нашу многострадальную землю завоевать неведома зверушка, то ему бы расслабиться. У закулисы пульс ровный, она нас уже тысячи лет назад нас тихонько завоевала, а зверушка ведёт на нас подробное досье и по мере сил участвует в нашей движухе, когда ей не лень. Но это совершенно незаметно, пока тебя носом не ткнут. А носом они тыкают далеко не каждого, а только тех, кто им нужен для дела.

Так уж случилось, что я им для дела понадобилась. За мной, что называется, пришли. И когда это случилось, я была уже достаточно взрослой, чтобы полностью стереть свою прежнюю жизнь.

А когда же я стала взрослой, я точно не знаю до сих пор. Может быть, в тот момент, когда поняла, что родители нам лгут, и что до нас никому нет никакого дела. А возможно, в тот день, когда брат ушёл из дома.

Это был день его рождения. Совершеннолетие. Мы с ним жили в одной комнатухе, я спала на нижнем ярусе, он на верхнем. Смешно, конечно: почти взрослый парень и девчонка-тинэйджер наступали друг другу на пятки на двенадцати квадратных метрах, отгораживались старой складной ширмой, чтобы переодеться, и безудержно лаялись по поводу и без повода. Деваться было некуда, ещё одной комнаты, чтобы расселить нас, у родителей не было.

Накануне мы очень сильно поцапались, даже возмущённые соседи в стенку стучали. Но утром я всё-таки смирила гордыню, достала припасённый подарок, и когда Марек наверху закричал, просыпаясь, вскарабкалась к нему наверх. «С днюхой, бро! Хотя ты и скотина

распоследняя...» Он взял коробочку с любопытством и вытряхнул из неё нож-выкидушку. Я знала, он любит такие брутальные штучки, обвешается весь, как ёлка, ладони лентой перетянет, кулаки сожмёт перед зеркалом... Крутой перец, чо... На нож я честно накопила, полгода на мороженое только смотрела и облизывалась. Хороший нож, известная немецкая фирма. К тому же вида устрашающего, да и рукоятка необычная. Чтобы купить, проявила чудеса изворотливости, а то, кто бы мне, малявке, продал такую штуку... Марек долго смотрел на нож и молчал. Я решила, ну не дай Бог что-нибудь обидное сейчас ляпнет, в горло вцеплюсь. А он странно взглянул на меня, вздохнул, тихо буркнул «Спасибо, систер» и прикрикнул: «А ну, брысь отсюда, мне вставать надо!»

Коробочку он оставил на подоконнике, а нож сразу положил в поясной чехол и повесил себе на ремень крутых камуфляжных штанов. Потом он собрал старый рюкзак, наскоро запихав туда несколько свитеров и кроссовки, забрал свой паспорт из ящика и записку из растрёпанного томика «Бойцовского клуба». Я, конечно же, поинтересовалась, куда это он собрался, потому что ясно было, что не в универ. Брат не ответил, вынул из шкафа непромокаемую ветровку, повязал себе на пояс, нацепил рюкзак. И уже на пороге комнаты оглянулся и тряхнул светлой гривой: «Бывай, систер...». Таким я его и запомнила.

Домой Марат не вернулся. И я больше никогда не видела его.

Не приглянулась мне моя новая жизнь. Да, комната теперь была моя. И ночью на верхнем ярусе никто не скрипит, и голышом ходить можно, сколько угодно. И мужскими носками в комнате наконец-то вонять перестало. Но как-то стало тоскливо, когда даже поцапаться не с кем. Я ещё несколько недель вечерами сопли на кулак наматывала, скучала. Потом привыкла. И даже как-то не тревожилась совсем. В моих глазах брат, старший на пять лет, был взрослым мужиком. Ушёл, значит ушёл. Значит, достало его всё, и я, и предки. Даже в голову мне тогда не приходило, что он мог не вернуться, потому что с ним приключилось что-то дурное. То ли глупа я была тогда, как деревяшка, то ли это такая защита в голове включилась.

Родители Марата не искали. Ну, был у них в соседней комнате жилец, да и сплыл. Лишь однажды я подслушала случайно, как мать почти равнодушно спросила, неужели, мол, так и всё. А отец ответил, что рано или поздно это должно было случиться, а удержать их всё равно не получится. Я долго соображала, кого это «их», пока до меня не дошло, что это означает нас, Марека и меня. Помню, как меня это поразило. Практически вывернуло наизнанку. Я ещё не то что шагу за порог не сделала, я об этом ещё даже не подумала, а оказывается, уже решено, что удерживать меня никто не будет.

Когда Марек пропал, мне было тринадцать. Не прошло и года, как я тоже собрала свой рюкзак, и меня в самом деле никто даже и не попытался удержать. А я не потрудилась объяснить, куда ухожу. Тогда мне казалось, им не интересно. А сейчас я думаю, что они просто знали. Не что-то конкретное знали, это вряд ли. Но им определённо что-то было сказано очень давно, когда кто-то взял меня и Марека на карандаш.

Я была нужна на поверхности. Меня планировали сделать одной из шестерёнок отлаженного механизма.

Иначе я, скорее всего, закончила бы школу, а потом бы ещё какую-нибудь каторгу, и сидела бы я сейчас в конторе, пропахшей старой бумагой, и перекладывала бы папки утром справа налево, а вечером слева направо. А дома меня ждал бы на диване простецкий такой мужик, одновременно безвредный и бесполезный, и пара сопливых детишек дошкольного возраста. Ну или, как вариант, только детишки. Мужик, наверное, это даже лишнее, нечего

нервную систему перегружать, она у женщин и без того работает без отдыха двадцать четыре часа в сутки.

Вот точно, так оно и было бы. Потому что как бы ни хотелось мнить себя амазонкой верхом на драконе, а доступная реальность-то вот она, вся уместается в нехитрую схему «работа-дом-семья».

Со мной случилось нечто другое. Из моей схемы дом вычеркнули, работу проапгрейдили до предельно возможного уровня, а уж вместо семьи я сама себе слепила такого колобка, что лучше бы он скорее сбежал на все четыре стороны.

Моя реальность была теперь далеко не скучна, зрима, на ощупь весома, а, как лбом к ней приложишься, то и весьма груба. Я рано начала взрослую жизнь, и к двадцати пяти, когда каждая девица, будучи уже многократно дамой, всё ещё считает себя потенциальной гламурной кисой и ждёт от жизни сказки, у меня уже весь пазл не по одному разу сложился и разложился. Гламур ко мне не прилипает, от сказок меня тошнит, а в мужчинах я научилась видеть только хорошее, тем более, что всё, что в них есть хорошего, они норовят показать с порога, иногда не считая нужным даже снять ботинки.

Но это сейчас. А начиналось всё тоже с радужных мечтаний, как без этого.

Конечно, когда ко мне, четырнадцатилетней дурочке, подошёл на улице симпатичный темноглазый иностранец, «мощный старик» — которому, как потом оказалось, сравнялся в то время лишь тридцатник — я сначала его грубо послала, обозвав извращенцем, и слушать не стала. Тем более, что дело было в неудобной подворотне склизким ноябрьским вечером. Иностранец, однако, через пару дней появился снова, и я опять от него удрала, пригрозив немедленно позвонить в полицию. Но «старик» оказался настойчив, и для извращенца поступил довольно нестандартно. Он заявился в школу, наплёл в учительской про то, что я выиграла якобы какой-то грант от крупного образовательного фонда, и ему надо немедленно со мной побеседовать. Даже бумаги какие-то показал. Меня сняли с урока и вызвали в кабинет директора, где мой преследователь, представившийся Йаном, на правильном русском языке, но с совершенно непередаваемым акцентом, долго объяснял мне наедине, кого он представляет и что хочет предложить. Для начала он проявил немалую осведомлённость в моих проблемах. Он в точности рассказал, как я одинока, какой чудной считают меня одноклассники, как смеются они надо мной за то, что я не могу даже за компьютером поработать пять минут и не подвесить систему намертво. Много чего он ещё про меня рассказал. Что двери на фотоэлементах передо мной не открываются, что мои мобильники всё время клинит, а микроволновка, поставленная на минуту, втихаря запускает эту минуту снова и снова, пока не зажарит пиццу до угольков.

А ещё он сказал, что есть такое место, где все эти причуды желанны и востребованы.

Я просто рассмеялась ему в лицо и сказала, что вместо того, чтобы сотрясать воздух, ему достаточно было бы просто передать мне письмо из Хогвартса, но всё равно для первокурсницы из Гриффиндора я уже старовата.

Мужчина по имени Йан меня искренне не понял. Как потом выяснилось, наших книжек он не читал. Однако, чем-то он меня всё-таки взял, смог уболтать. Хотя понятно, чем: всё ведь правильно про меня рассказал. Такая я и была, злая и замкнутая неумеха. Со смартфоном не справиться, где ж такое видано... Но Йан не жалел меня и даже не сочувствовал. Потому что, как говорил он, нет для этого причины. Ведь человек, обладающий способностью поломать электронику, не дотрагиваясь до неё даже пальцем, может получить работу, о которой никто и слыхом не слыхивал. Для этого надо только перебраться на

поверхность, дать согласие на вживление персонального чипа, пройти обучение, подписать контракт и выполнять задания, за каждое из которых причитается куча денег.

На мой вопрос, а что же придётся делать за кучу денег, ответ был неожиданный: «Летать!»

Я теперь понимаю, почему вербовщики с поверхности в основном работают с подростками. Только тот, кто ещё не сдружился с головой, может поверить в такие предложения. И только тот, кто не знает толком страха смерти, может пройти все начальные этапы подготовки. Потом, конечно, появится и страх, и потребность в безопасности, и первые серьёзные травмы, и навязчивое желание прекратить всё это, но сначала только драйв, кайф и полная беспечность.

Я поверила Йану. Собрав кое-какие вещички, я просто ушла из дома, как это год назад сделал брат. И я позволила Йану забрать меня на поверхность.

Всё оказалось в точности, как он меня заранее проинструктировал. Мы с ним просто спустились в метро, в строго означенное время сели в первый вагон, а на конечной станции не вышли. Поезд ушёл в тоннель, закачался на стрелках, сворачивая в какое-то ответвление депо, потом остановился. Первый вагон мотанулся взад-вперёд, отцепляясь от состава. Йан достал торцевой ключ, открыл дверь в кабину машиниста, которая оказалась уже пустой, и велел мне сесть на пол между приборной панелью и задней стенкой. Потом Йан что-то включил-нажал, и вагон поехал вперёд, ускоряясь и ускоряясь. Мне казалось, он вот-вот взлетит. Когда стало совсем страшно и даже немножко больно, Йан тоже опустился на пол, обнял меня и крепко держал, поглаживая по спине. И страх ушёл, а с ним и все неприятные ощущения. Я почувствовала лёгкость и невесомость, в которой хотелось остаться как можно дольше. Когда вагон начал притормаживать, а потом совсем остановился в огромном зале с множеством путей и платформ, Йан очень меня хвалил и сказал, что меня точно ждёт большое будущее.

Оказалось, что вместо того, чтобы быть просто пассажиркой, «грузом» Йана, я с какого-то момента летела в горизонтальном канале сама.

Позже я узнала, что бывают ещё и вертикальные каналы, соединяющие изнанку с поверхностью. Разница в том, что горизонтальные каналы работают в обе стороны, и для полёта нужен разгон с помощью хитрой гатрийской техники, замаскированной под безобидные вещи вроде вагона метро. А вертикальный канал всегда ведёт только с изнанки на поверхность, и для разгона ничего не нужно, кроме свободного падения.

Летать сквозь слои таким, как я, нетрудно. Главное, не ошибиться с шахтой. Иногда канал постепенно закрывается сам, иногда его разрушают намеренно. Тогда у курьера могут возникнуть серьёзные неприятности, например, такие, в которые я угодила на последнем задании. Правда, на этот раз я выкрутилась сама. Это опыт, всего лишь опыт. Тем, у кого опыта нет, может очень не повезти. Очень — это когда курьер не проходит канал насквозь, а застревает в одном из промежуточных слоёв между поверхностью и изнанкой.

Со мной однажды это большое невезение приключилось. Даже не в начале карьеры, а, можно сказать, ещё до её начала.

Учиться на курьерских курсах было интересно. У нас была хорошая группа, весёлая, дружная. Восемь оболдуев в возрасте от четырнадцати до восемнадцати, я младшая. Двое с поверхности, остальные с изнанки. Так уж получается, что на изнанке нас, таких чудиков, рождается больше. Хотя ребята с поверхности обычно сильнее, среди них практически все — проводники, то есть они не просто, как обычные курьеры, умеют летать в каналах и

проносить с собой посторонние предметы, но и могут прихватить с собой живое существо. А иногда даже несколько сразу и донести всех до места живыми.

Из меня делали, в общем-то, курьера. Но, когда я набрала силу, оказалось, что я проводник. Лучше бы оно не оказалось, но это по заказу не делается, а если уж выплыло наружу, то так тому и быть. Ещё заранее никто не предупредил, что, когда курьер начинает регулярно работать с каналами, возможна всякая побочка. Иногда неприятная, а иногда и полезная. Мне повезло. Я и раньше на слух не жаловалась, но, когда начала летать, слух обострился до предела. И я стала различать такие мельчайшие нюансы, которые, кроме меня вообще никто не воспринимал. Сначала мне это мешало, но потом инструктор объяснил, что надо включать фильтр, отторгая лишние звуки тогда, когда они для дела не нужны, и не так это сложно, вопрос тренировки.

Инструкторы на курсах были хорошие. Гоняли нас в хвост и в гриву, как американские сержанты в голливудских фильмах гоняют своих солдатиков, но относились они к нам вполне по-человечески. Гатрийцы вообще не дикари какие-нибудь. Очень даже высокого порядка общество. Со своими тараканами, правда, но иметь дело с ними можно, если приноровиться.

В процессе обучения курсантам полагается несколько испытаний. Первый этап — примерно через полгода. К этому моменту все должны уметь летать в вертикальных и горизонтальных каналах. То есть должны управлять собой и взаимодействовать с каналом так, чтобы добираться с поверхности на изнанку и обратно живыми. Это действительно самое простое. Ты ж рождён уже с этим умением, только не знаешь о нём. Тебе просто показывают, на что ты способен. Как только всё прочувствуешь, становится просто.

На первый экзамен мы отправились всей группой в сопровождении инструктора. Нужно было всем выбраться на изнанку, а оттуда по вертикальному каналу по отдельности и полностью самостоятельно вернуться обратно на учебную базу, собрав на себя по пути поменьше пыли.

Мы сели в вагончик, и инструктор потащил нашу компанию через слои. И уронил. Потом я узнала, что это вообще было целое событие. Когда такое случается с одним обыкновенным курьером, и то весь департамент бьёт в набат, а потом разбор полётов на полгода. А тут восемь зелёных курсантов и разом. Не просто инцидент — трагедия.

Инструктор был бывалый опытный дядька, и надо ж было ему помереть вот не раньше, не позже, как только стартовав с нашим вагоном наперевес. То ли инфаркт, то ли инсульт, это уже дело десятое. Инструктор-проводник умер, и канал, потеряв нить взаимодействия с его организмом, начал плющить вагон. Мы очень быстро поняли, что дело плохо, но ничего не смогли поправить. Слишком были все ещё сопливые, чтобы знать, как перетянуть канал на себя, чтобы если не весь клубок тел вытащить, то хотя бы себя самого.

Вагон рвало на кусочки, а нас раскидывало по слоям.

Меня вышвырнуло в горячий адок, где песок под ногами плавился на глазах, из трещин в почве вырывались клубы горячего пара вместе с острым раскалённым щебнем, а обычной воды, которую можно было бы выпить, поблизости не было вовсе. Вдобавок ко всему, когда меня выносило в слой, я зацепилась ногой за край выломанной в вагоне дыры, и рваный кусок металла глубоко разрезал мне кожу на бедре. Кровь, правда, всё-таки остановилась через некоторое время, но мне было уже всё равно. Меня мучила жара, духота, невыносимая жажда, а больше всего меня терзал ужас. Я уже до этого не меньше сотни раз летала через слои, с инструкторами и без, прыгала в вертикальные шахты, ошибалась и исправлялась, и

мне не было страшно, потому что мне хорошенько внушили, что я делаю нечто совершенно для меня естественное. Наверное, так оно и было. Но я точно знала, и без всяких внушений, что умирать — неестественно. И очень страшно. И больно. И никто в целом свете, даже если захочет помочь, не найдёт меня в этом аду.

Через сутки на невыносимой жаре, с нехорошей ноющей раной на ноге, я просто валялась где-то посреди горячих валунов. От жажды нестерпимо болела голова, дышать было невозможно, а плакать не было сил.

И тут откуда-то сверху, с камней, прыгнул он. Очень высокий и тощий молодой мужчина, с острым худым лицом и непослушной копной выгоревших добела кудрей-спиралек. Он был одет в полевую форму спасателя, на его спине висел огромный и, видимо, очень тяжёлый рюкзак.

Я, дурочка такая, наверное, напугала его до смерти. На радостях вцепилась в него мёртвой хваткой, как боевой бульдог, он едва меня оторвал от себя. Когда он выяснил, что я с изнанки и из России, то обрадовался, перешёл с гатрийского на русский и с того момента болтал без умолку. То ли и вправду такой говорун, то ли просто знал, что девчонке в таком состоянии нельзя оставлять ни минуты для ненужных мыслей и страхов. Первым делом напоил, чем вернул мне способность соображать и хоть какую-то волю к жизни. Потом занялся моей ногой, промыл, посыпал лекарством, заклеил. Потом дал шоколадку, вытер мне сопли и заверил, что всё будет хорошо. И снова поил водой из пластиковой бутылки, которых у него в рюкзаке оказалось довольно много. У него вообще с собой были только аптечка, шоколадки и вода.

После оказания первой помощи, парень объяснил, что канал, в который можно попытаться проникнуть, довольно далеко, он сам шёл почти сутки, не останавливаясь, а теперь нам с ним вместе надо будет преодолеть весь обратный путь.

Дав мне немного прийти в себя, парень скомандовал двигаться в путь. И мы пошли. Сначала просто рядом. Он внимательно следил за мной, подбадривал, рассказывал о каких-то пустяках. С его губ не сходила широкая озорная улыбка. Он радовался любым осмысленным словам, которые слышал от меня, вспоминал что-то своё в ответ, всё время что-то говорил. Я же от него просто глаз не отрывала.

Я уставала очень быстро. Мы часто останавливались отдохнуть и снова двигались вперёд. Потом ему пришлось взять меня за руку, потом под руку, потом обнять и тащить за собой. Я еле двигалась, привлекая раненую ногу, но он ни разу на меня не рассердился, не дёрнул, не отругал. Когда уже увидел, что дело совсем плохо, скомандовал укладываться на ночлег. Мы остановились в каких-то камнях, впрочем, кроме камней там и не было ничего. Накормив меня шоколадом и напоив, парень улёгся и уложил меня рядом, прижимая к себе так бережно, что я сразу же крепко уснула, впервые за двое суток. А проснулась в горячке. Рану на ноге дёргало и жгло, у меня кружилась голова, и я плохо соображала, что происходит. Парень чуть ли не силой затолкал в меня несколько таблеток, дождался, пока они начнут действовать, и снова поволок меня в путь. Мне было так обидно, что у меня не получается быть такой ловкой и отважной, как нужно, нога дико болела, слёзы лились ручьём, и тогда парень стал тихонько петь. «Куда идём мы с Пятачком?..» Я не знаю, каким чудом мне удалось тогда держаться на ногах... Большой-большой секрет...» Он практически тащил меня вперёд... и не расскажем мы о нём...» А потом я всё-таки потеряла сознание. Очнулась от жгучей боли: спасатель по живому вскрывал мне нарыв на ноге. Я орала дурным голосом, а он улыбался и уверял, что всё скоро будет просто

замечательно. Стал рассказывать анекдоты один за другим. Я смеялась сквозь слёзы. Он кормил меня таблетками, вливал в меня воду, а потом снова травил анекдоты. Обычные у него к вечеру закончились, остались восемнадцать-плюс. Он помялся немного, но ради святого дела пустил в ход и их. Я ржала, как сумасшедшая. Плакала и хохотала, пока не уснула снова, обхватив его покрепче, чтобы никуда не делся. Наутро мне стало полегче. И снова вперёд, через жару, пар и внезапные выбросы огня и раскалённого щебня. Моему спасителю угодил в лоб острый раскалённый камешек, и уже я сама заклеивала ему рану пластырем, а он морщился и смеялся, и говорил, как же ему повезло, что есть кому о нём позаботиться. И потом опять в путь. «Куда идём мы с Пятачком?..» В этот день у нас кончилась вода. А вслед за ней и мои силы. Я была в забытьи, и до сих пор не представляю, как он меня тащил. Видимо, на себе, как мешок картошки. А потом он влил в меня поток воды из последней, самой неприкосновенной бутылочки и растормошил. «Мы у канала. Я всё сделаю сам, только держись за меня хорошенько!» Я обняла его за шею, он подхватил меня на руки и прыгнул в пропасть.

Очнулась я в гатрийском госпитале. Больше из нашей группы не выжил никто.

Я никогда потом не видела своего спасителя. Мы даже имён друг друга так и не узнали.»... большой-большой секрет...», как-то и ни к чему было. Я пыталась спрашивать, кто меня вытаскивал, где его можно отыскать, но все пожимали плечами. Я только поняла, что он не был штатным спасателем департамента, скорее всего, волонтёр из проводников. До сих пор, когда мне невыносимо хреново, я воображаю себе, что вот сейчас снова придёт этот парень и опять меня спасёт. Потому что он, видимо, может всё. И все принцы мироздания на своих белых лошадях — всего лишь мусор под его ногами. Конечно, он не приходит и не спасает. Но уже от одних только мыслей о нём становится легче.

Когда я поправилась, я успешно сдала все положенные испытания, стала курьером, а потом курьер-проводником. И мне предложили серьёзный контракт, в котором я поначалу не увидела никаких подводных камней.

А самый большой подводный камень мне подкинул вербовщик Йан. Пока я училась, он успел стать начальником курьерских курсов. А ещё через два года — сразу начальником курьерского департамента. Это очень высокая должность в гатрийской империи. Курьерский департамент занимается всеми вопросами, обеспечивающими эффективную связь между поверхностью и изнанкой. Командором курьерского департамента может стать только человек, во-первых, знатного и уважаемого рода, во-вторых, имеющий блестящие результаты на более низких должностях, и, в-третьих, женатый. Если второе условие — совершенно нормально и не вызывает вопросов, то первое и третье — это вот как раз из числа тех самых тараканов Гатрийской империи.

На поверхности всё ещё сохранялось сословное общество. Знать и простолюдины. И каждый примерно знал, на что может в этой жизни рассчитывать. А женитьба для любого гатрийского мужчины, хоть аристократа, хоть нет — это нечто вроде путёвки в жизнь. Пока ты холост — ты заготовка. А создал славную ячейку общества — уже почти что важная деталь, которую осталось только отшлифовать блестящей карьерой. С женщинами же всё наоборот. Пока ты в девках бегаешь, мир у твоих ног. Учись, работай, воюй, спи, с кем хочешь. От кандидатов в мужья отбоя не будет, всем ведь не терпится жениться и продвинуться по службе. Но зато, выйдя замуж, гатрийка превращалась в чисто символический персонаж, который уже не имел право ни на что. Только сидеть в четырёх стенах и заниматься ерундой, создавая статус своему мужу. А у гатрийских мужчин понятие

супружеской верности, да и верности женщине вообще, отсутствовало. Не со зла, как говорится, просто не в традиции. И никого это обстоятельство не смущало, кроме некоторых наёмников с изнанки. Да и те не сразу это понимали, поддавшись поначалу гатрийской свободе нравов.

Меня гатрийская свобода нравов поначалу вообще не трогала. Я попала на поверхность сопливой девчонкой, и никто меня не пытался подстеречь в тёмном переулке или затащить в курсантской казарме в чужую постель. Видимо, когда видели меня, полтора метра с кепкой и наивные глазищи, и не думали ни о чём таком. Потом, конечно, когда я стала взрослой, всякое бывало время от времени. Куда ж без неё, без глупой девчачьей романтики... А потом случилось непредвиденное, и ни один парень и близко не решался ко мне подойти, потому что на меня положил глаз командор департамента Йан Клайар. Его все боялись до дрожи и колик. Только не я. А чего мне бояться, это ж мой вербовщик. Он же меня своими руками, можно сказать, на поверхность привёл. В то время, как все остальные при встрече с командором дружно опускали глаза и начинали что-то искать на земле, я с любопытством смотрела Йану в лицо, разглядывая, каким же теперь важным и властным стал мой знакомый «мощный старик». Ну и доразглядывалась. Один вызов к командору на беседу, другой. То похвалит, то отругает за проваленное задание. И зачастил, и повадился... Мне было, конечно, странно немного. Кто я такая? Ну, конечно, подчинённая его. Ну, курьер, вроде бы, неплохой. Ну, знакомы давно. Так никого не зовёт, а меня дёргает постоянно, то перед заданием, напутствие дать, то после, о результатах расспросить. Вот так, раз-два, и оказалась я в его постели. По абсолютной доброй воле и с взаимного согласия. Во-первых, такому хрен откажешь, во-вторых, ну, лестно же, не к каждой наёмнице сам командор подъезжает, а, в-третьих, мужик симпатичный и не старый ещё — наконец-то это до меня дошло. Не дошло до меня поначалу только самое главное. Я в детстве начиталась много вредных книг, в которых всякие идиоты написали, что если любишь человека, то принадлежишь ему безраздельно. Ему и только ему. А если вдруг-таки выиграет правда жизни, и поймёшь ты, что опостылела тебе твоя недавняя любовь, так ты сначала с ней разберись-покончи, а потом уже на новую набрасывайся. Вот я этого всего начиталась, но забыла до поры до времени, засунула куда-то в подкорку. А потом вдруг — не сразу — поняла, что связь с женатым мужчиной — это подстава, на которую нельзя соглашаться даже под расстрелом. Какой бы он ни был богатый, влиятельный и сексуальный. Нет, ну, кого-то, возможно, и так устраивает. А меня — нет. И я поняла, что порвать с Йаном для меня будет тяжело, привыкла я всё-таки к нему, но всё равно разрыв легче, чем знать, что после свидания со мной он возвращается домой, и как бы он меня ни любил, он всё равно будет возвращаться домой, потому что разводов у гатрийцев нет как понятия. А чем дальше, тем больше: мне стало очевидно, что Йан никогда не поймёт, что именно и почему меня не устраивает. И тогда я всё ему сказала. Что отношения наши заканчиваются, и больше я не согласна на роль фаворитки командора.

Йан отнёсся к этому на удивление спокойно. Нет, посверкал глазами, конечно, оскорбился. Но в острог не сослал. Я сначала обрадовалась, а потом поняла — рано. Он просто решил: женская дурь, пройдёт. Тогда уже оскорбилась я.

И вот такая оскорблённая я и отправилась выполнять последнее задание. Задание элементарно простое. Взять на изнанке небольшой — но, видимо, очень ценный — груз и доставить его командору. Всё бы прошло незаметно, да вот, кто-то похозяйничал в канале кривыми ручками.

Лечилась я месяц. Это довольно долго, но настроение мне всё это не испортило, потому

что хоть меня и потрепало, но задание было выполнено полностью. А значит, никто меня продлением контракта наказать не сможет. Не за что. Они обязаны меня вылечить и зачесть время лечение в общую полезную длительность контракта. А это значит, что всё скоро закончится.

Я постепенно стала умной и опытной, по крайней мере в том, что касается моей работы. На штрафные санкции я теперь нарвусь только если небо на землю упадёт. Остался месяц, то есть физически нет времени, чтобы вляпаться в настолько большие неприятности, чтобы сорвать задание и продлить контракт. Поэтому хоть тушкой, хоть чучелком, но до дембеля дотяну. Департамент доволен моей работой. Я довольна их оплатой за мою работу. Денег хватит... нет, не на остров в Эгейском море, увы. Но на домик в Провансе вполне. Хотя не сдался мне это Прованс вот никуда совершенно... Есть ещё время подумать, где осесть, чем заняться. Но уж совершенно точно на изнанке. Ну их, и эту поверхность, и этих гатрийцев с их тараканами.

Положенный мне месяц отдыха и реабилитации я наслаждалась полным бездельем и блаженным одиночеством. Но звонок командора Йана наслаждение мне всё-таки подпортил. Он означал, что командор явился на изнанку. А уж если он здесь, то обязательно до меня доберётся. Поэтому я ответила на звонок, выслушала и согласилась увидеться с командором в указанном им месте.

— Что будете пить? Позвольте порекомендовать? У нас отличная винная карта...

Йан покосился на официанта:

— «Мартелл» есть?

— Разумеется.

— Пятьдесят, — постановил Йан и посмотрел на меня. — Что будешь?

— Мартини фьеро, — ответила я.

Официант глянул на меня с опаской, помялся, но всё-таки решился уточнить у Йана:

— Прошу прощения, вашей дочери уже есть восемнадцать?

Я не выдержала, прыснула.

Йан сохранял ледяное спокойствие.

— Есть, любезный, есть... — процедил он холодно. — Если что-то не так, мы можем и в другое заведение податься...

Видимо, давненько не бывал Йан на изнанке и не практиковался в русском. Акцент его уже ничем было не замаскировать.

Официант заверил, что никаких проблем, всё просто отлично, сию же секунду всё будет в лучшем виде, и сбежал от греха выполнять заказ.

— А я тебе говорила, сбрей ты эту бороду жуткую, она тебе лет десять добавляет, а то и все пятнадцать, — сказала я на гатри, когда официант отчалил.

— Заметь, ни к моей бороде, ни к моему возрасту у него претензий не было, — буркнул Йан.

— Разумеется, папочка, — ответила я и снова хихикнула в кулак. — Ну ладно, не дуйся. Это я виновата. Надо было размалеваться, и выглядела бы на свои. Но я не думала, что ты меня в такое пафосное место потащишь. Мне и макдака хватило бы.

— Мы месяц не виделись, подумал, а почему бы не выпить за встречу.

Пить за встречу с бывшим любовником — это как-то неправильно. Особенно, если учесть, что этот самый любовник не собирается мириться с тем, что он бывший.

— Да как скажешь, мне всё равно, если честно, — обречённо сказала я.

Йан на недостаток энтузиазма в моём голосе никак не отреагировал, так, прищурился чуть-чуть.

Я взглянула поверх головы Йана и увидела, как наш официант шепчется о чём-то с администратором, стреляя глазами в нашу сторону. Вот ещё не хватало. Официанта, конечно, можно понять. Если его поймают на алкоголе для несовершеннолетней, заступаться ресторанное начальство за него не будет. Мне-то всё равно, пусть бы официант и подёргался маленько, но моему спутнику контакты с правоохранителями противопоказаны. И мне ещё пока не настолько наплевать на Йана, чтобы позволить кому-то втянуть его в неприятности.

— Отлучусь на минутку, — я улыбнулась Йану и встала из-за стола.

Я прошла от официанта метрах в четырёх. Помехи были жуткие, но опыт великое дело. Фильтр сработал как надо.

— ... даже если это не ментовская подстава, — горячо шептал официант. — Даже если это просто иностранный хрен с малолеткой, оно нам надо?!..

Я сделала плавный разворот по залу, доставая из заднего кармана джинсов права, и подошла к ним сзади.

— Ребята!

Они обернулись.

— Зрение хорошее? Читать умеем? А считать? — я показала им права. — Сличаем фотку, смотрим цифры, вычисляем. Мой возраст на ум пошёл. Вопросы есть?

Администратор усмехнулся. Официант покраснел. Нет, слова «стыд» он, скорее всего, не знал, но струхнул. Шут его знает, что за пигалица на его голову, уволят ещё с хлебного места. Пробормотав извинения, он помчался в бар.

Я убрала права обратно и вернулась к Йану.

Не прошло и пары минут, как напитки прибыли.

Мартини был хорош. За это можно простить заведению и недотёпу с подносом.

— Ты как себя чувствуешь?

От голоса Йана я вздрогнула.

— Слушай, давай лучше на гатри. Чужой язык здесь не будет так резать слух, как твой чудовищный акцент.

— Ладно, — Йан с видимым облегчением перешёл на родной язык. — Так как ты после всего?

— Нормально.

— Уверена? — с сомнением покачал головой Йан. — Повреждения были серьёзные. Я курьеров в таком плачевном состоянии и не видел, пожалуй.

— А нечего в кабинете расслаиваться. Чаще тебе надо в полевые условия выбираться, командор, — буркнула я. — И не такое ещё увидишь... Да нормально всё. Небольшие синяки прошли, от крупных осталось ещё кое-что по мелочи. К дембелю всё рассосётся окончательно.

— Хорошо, если так. А то я очень переживал, — просто сказал он, крутя в пальцах коньячный бокал.

Вообще-то я должна была оценить это откровение. Нежность и сострадание давались Йану труднее всего. Даже наедине, а уж в людном месте... Хотя, слов его, кроме меня, никто и не понял. А если бы и поняли, кто для него все эти люди?.. Может, и правда переживал, кто его знает. Вопрос — за что именно.

— Ты ещё легко отделался, Йан, со своими переживаниями. Я могла просто не вернуться. Ты забыл мне сказать, что эта шахта уже под колпаком, что в канале кто-то покопался, что меня ждать будут, что придётся удирать...

— Считаешь, мне докладывают о каждом потенциальном провале? — его и без того тёмные глаза налились чернотой. — Думаешь, если бы я знал, я бы скрыл это от тебя?

— Нет, конечно. Не считаю и не думаю, — отрезала я. — Я вообще не считаю, что могу рассчитывать на какое-то особое твоё отношение по старой памяти...

— Кира, в обязанности персонала не входит информировать меня о каждой сомнительной шахте. Я о ситуации ничего не знал, — Йан произнёс это холодно и даже с вызовом.

— Я тебя ни в чём и не обвиняю. Не знал так не знал. Зато теперь знаешь, что в твоей конторе полно идиотов, для которых наёмники — это просто мусор! Пусть ныряет в засвеченную шахту, ну не доберётся до места, какая разница, нового пошлём!..

— Я нашёл виновного. И он наказан, — холодно оборвал меня Йан.

— Виновного в чём?

— Я нашёл того, кто знал, что здесь с шахтой пытаются работать местные умельцы. Он

не счёл нужным выдать тебе предупреждение. Он наказан.

— Выговор с занесением? — фыркнула я.

Продолжая держать в левой бокал, Йан положил на стол правую руку и накрыл своей огромной ладонью мою.

— Я свернул ему шею, своими руками, — сообщил он примирительно. — Это тебя утешит?

Он не шутил. У командора Йана не было чувства юмора.

— Это уже через чур, знаешь ли, — пробормотала я и убрала руку.

— Да, возможно, — согласился он. — Я тоже так подумал. Потом. Ну, будем считать, что одному идиоту не повезло. Но зато другим впредь неповадно. Теперь бегают и носами землю роют.

Следующую пару минут мы молчали. Не то, чтобы меня сильно потрясло услышанное, но было как-то не по себе. С Йаном шутки плохи, это я знала. Если вина была доказана, а проступок непоправим, мог и лично на тот свет отправить. Никто не решался перечить командору. Мне раньше позволялись наедине некоторые вольности, но и то, наткнувшись пару раз на оскорблённый ледяной взгляд, я старалась сдерживаться. А теперь надо быть ещё осторожнее.

— Почему ты решила лечиться здесь? — Йан, опустошив свой бокал, нарушил молчание. — Это был не очень-то разумный выбор.

— Дома и стены лечат. Слышал про такое?

Он презрительно усмехнулся:

— Да слышал. Пустые слова... Что эти стены могут?

— Йан, я тебя умоляю! Ну какое такое лечение мне было нужно? Отлежаться. И я выпалась за всю жизнь, за прошлое и на будущее.

— Хорошо, — кивнул он. — А какие у тебя планы на это самое будущее?

— Послать твою контору ко всем чертям.

Йан глотнул из своего бокала и внимательно взглянул мне в глаза:

— Это я понял. Но я не об этом. Жаль, конечно, но это твоё право. А вот что ты собираешься делать потом.

Я отмахнулась:

— Понятия не имею. Я девушка легкомысленная. На два шага вперёд думать не приучена.

— Кира, я серьёзно.

— Йан, я тоже. И хватит уже. Есть, что сказать — говори.

Он пожал плечами:

— Дом на канале тебя ждёт. Ты знаешь, я купил его для тебя.

Я отставила полупустой бокал и откинулась на спинку стула.

— Нет, Йан. Я же тебе сказала: между нами ничего больше быть не может. Если ты собрался меня поить ради разговора об этом, то напрасно.

— Ты же свободная женщина. Ты так этим дорожишь...

— И что?

— Я тебе предлагаю и свободу, и жилище, и достаток, и положение...

— Положение содержанки? Мне? Это, по-твоему, свобода?

Он покачал головой:

— Никак не понимаю, что тебя так оскорбляет? Да, это свобода. Ты же знаешь

гатрийские законы. Замуж тебя никто из наших не возьмёт, это да. Но ты будешь свободнее и счастливее любой гатрийки. Я готов для этого постараться. Ты же знаешь, как я... как я к тебе отношусь.

Он не мог понять, что не так. То есть, мог бы, конечно, понять, если бы захотел. Йан далеко не дурак. Но он не хотел меня понимать, не желал напрягать ту извилину, которая в мужском мозгу соединяет хотелку с понималкой. Некоторые мужчины не способны расшифровать простейшие женские эмоции и предпочитают всё списывать на блажь. Это меня обижало, и я столько раз пыталась ему непременно втолковать, что к чему да почему. А потом бросила это дело. Для того, чтобы научить гатрийского аристократа понять женщину, жизни не хватит.

— А ты знаешь, как я отношусь к тебе, — в тон ему подхватила я. — Я замечательно к тебе отношусь, Йан. Ты справедливый командор. Ты щедрый мужчина. Ты хороший любовник. Да, да, очень хороший. Но я не вещь, Йан. Я знаю, что ты готов мне предложить. Мне это не нужно. И больше мы с тобой об этом не говорим никогда, хорошо?.. Мой контракт заканчивается через месяц. Я не буду его продлевать. Может быть, я даже чип удалю. И я не буду твоей куклой.

— Зря ты... — начал было он, но осёкся. Потом продолжил с деланным равнодушием. — Как хочешь. Это твоё решение. Смотри не пожалей.

— Йан, всё прошло, понимаешь? — буркнула я, глядя на маленькую серёжку в его левом ухе. Такие серёжки на гатрийцах всё равно, что наши обручальные кольца. — Было и прошло, и не начинай сначала.

— У тебя кто-то есть?

Я чуть не подавилась последним глотком мартини.

— Ты что, ревнуешь?

— Нет. Просто хочу знать.

— В мою личную жизнь будешь лезть через месяц, когда перестанешь быть моим начальником. А я тогда с удовольствием пошлю тебя подальше. А пока просто учти, что...

Он не дал договорить, подался вперёд и цапнул меня за руку:

— Слушай меня, Кира! — спокойно сказал он, но в глазах появился злобный блеск. — Вот через месяц, когда я перестану быть твоим начальником, ты и будешь указывать, что мне учитывать. А пока, если уж между нами ничего не может быть... — не только в глазах, но и в голосе вылезла ярость. — Веди себя так, как должна вести себя наёмница с изнанки!

Вот же гад... С одной стороны, он прав. Впрочем, он прав со всех сторон. Либо я возвращаюсь назад, во времена бурного служебного романа с командором, и тогда вполне могу разбить пару тарелок под горячую руку. Любовнице прощается. Либо я в те времена не возвращаюсь, и тогда полностью вступают в силу правила служебной субординации. «Да, командор». «Слушаюсь, командор». Я всего лишь наёмница с изнанки. Как утверждает молва — одна из лучших, но от необходимости подчиняться это не спасает.

Что ж, ещё месяц потерплю. Больше терпела.

— Прошу прощения, командор.

Он скривился. Вообще, с тех пор, как Йан отпустил на лице эту кошмарную растительность, его мимику, и без того, весьма сдержанную, можно было прочитать лишь с трудом. Если бы не выразительные карие глаза, вообще ничего по этому лицу не поймёшь. Йану сорок, он в отличной форме. Он по-мужски красив, хотя и несколько грубоват на взыскательный вкус. А ещё он умеет распустить хвост перед девчонкой. Непонятно всё же,

какого чёрта я тогда на него клюнула. Наверное, всё-таки сильно польстило внимание командора. Если бы я ещё по молодости лет умела отличить настойчивость от навязчивости, а любовь от желания обладать, цены бы мне не было.

— Значит, говоришь, восстановилась? — уточнил Йан, снова становясь строгим начальником.

На самом деле, чувствовала я себя всё ещё неважно. Слишком сильно помяло меня в повреждённом канале. Всё тело было сплошным кровоподтёком. Сейчас травмы уже так сильно не беспокоили, но это потому что я носила себя, как хрустальную вазу, береглась. Пожалуй, я была бы честна с командором при других обстоятельствах. Но теперь жаловаться Йану не хотелось. Я оказалась не готова показывать слабость перед бывшим любовником. Хотя это на самом деле глупо, и хуже от этой глупости будет только мне самой.

— Да, я же сказала, всё нормально.

— Что ж, я рад. Не так много у нас отличных курьеров, а уж курьер-проводников совсем не осталось. А такого уровня вообще единицы, — Йан коротко вздохнул. — Поэтому придётся выдать тебе новое задание, уж извини.

— Слушаю, командор.

— На оставшийся месяц поступаешь в распоряжение группы Шокера.

Шокер. В узких кругах курьерского департамента это имя стало легендой. Его мало кто видел, хотя почти все о нём слышали разные байки. Лучший оперативник под прикрытием. Лучший ловец. Лучший... Кругом лучший, если уж совсем коротко. Отлавливает преступников, сбежавших на изнанку или постоянно промышляющих тут, и доставляет их назад, на поверхность.

— Группа осталась без проводника, а у них серьёзная операция в разгаре, нужна поддержка, — закончил Йан.

— Хорошо, командор.

Надеюсь, что поддержка им нужна не прямо сейчас и не завтра, а то для полноценной оперативной работы я всё ещё сильно не в форме.

— Тогда у меня всё, иди, — холодно произнёс Йан. — Адрес тебе придёт на телефон.

— Я не очень дружу с телефонами. Сейчас работает, а возьмёт вдруг и заклинит.

— Кому ты это говоришь, а то я не знаю... Не волнуйся, ты получишь всю информацию, тем или иным способом, — равнодушно сказал он. — Удачи.

— Спасибо, командор, — я встала из-за стола. Посмотрела на непроницаемую физиономию и не удержалась. — Заплатить не забудь, папочка.

Йан недобро глянул мне в лицо и отвернулся.

* * *

Адрес, который мне сообщили, привёл меня в небольшую деревеньку под Питером. Собственно, до города рукой подать, с дороги уже видны новые городские кварталы. А здесь за заборами цвела сирень, стрекотали насекомые и чирикали птички.

Я вообще-то с природой очень на «вы». Предпочитаю каменные джунгли. Мне в них как-то спокойнее. Каждый раз, когда после травмы меня отправляли на реабилитацию в какое-нибудь красивое тихое место, где травка, муравьишки, слепни, жучки-паучки и прочая нечисть, я обычно сбегала оттуда и залегала до конца отпуска в съёмной квартирке в каком-

нибудь мегаполисе.

Нужный мне дом был окружён высоким забором с воротами и калиткой. Я нажала одинокую кнопку звонка и стала терпеливо ждать.

Когда калитка открылась, я упёрлась взглядом в чей-то загорелый прокачанный торс. Высоченный, под два метра, темноволосый парень посмотрел на меня сверху вниз:

— Тебе чего, девочка? — и смачно хрустнул уже обгрызенным зелёным яблоком, которое держал в руке.

— Мне Шокера.

— А, — не особо удивился верзила. — Нету дома его. Что передать?

— Он мне лично нужен.

Парень откусил от яблока последнее, швырнул огрызок в траву и вытер руку о джинсы. Потом привстал на цыпочки и заглянул мне за спину. Что уж он там хотел увидеть, я так и не поняла, но верзила удовлетворённо кивнул:

— Ну, пошли. Подождёшь. Шокер скоро вернётся.

На последних словах в его голосе зазвучал явный гатрийский акцент.

Мы прошли через совершенно пустой дворик между калиткой и входной дверью в дом.

Сам дом был не очень-то новый, но построен не как наш обычный деревенский дом. Я бы сказала, что строил его гатриец. Очень уж похож он был на их простые дешёвые домики. Не терем садовода, а скорее одноэтажный коттедж с плоской крышей.

И точно, внутри всё выглядело, как довольно просторная городская квартира. После небольшой пустой прихожей — просторный холл с диваном, огромным телевизором, обеденным столом и шестью стульями вокруг. А из холла уже арка в коридор, идущий из конца в конец. Все жилые комнаты выходят на противоположную сторону. Типичная гатрийская планировка для малобюджетного жилья.

В холле на диване сидел, развалившись, симпатичный худощавый блондин в засаленных джинсах и грубом вязаном свитере. Он был занят игрой в планшете и покосился на меня безо всякого интереса.

— Это к Шокеру, — вздохнул темноволосый верзила.

— Садись вон в уголок, подожди, — кивнул блондин на пластиковое кресло с плоской подушкой, стоящее у самого окна.

Я послушно села, сняв рюкзак и поставив его сбоку у кресла.

Темноволосый прошёл в коридор, потом там что-то уронил, погремел и вернулся обратно с бутербродом, напоминающим двойной чизбургер.

Блондин равнодушно посмотрел на это чудо кулинарного искусства и фыркнул:

— Самое время! Только аппетит перебьёшь.

— Мой аппетит перебить невозможно, — гордо сказал верзила и, посмотрев за окно, добавил. — А вот и Шокер приехал.

Я тоже взглянула туда. Интересно же на живую легенду поглазеть.

Во дворик заехал мотоцикл и остановился у самого крыльца. Мужчина в джинсах и косухе, не слезая с сидения, снял шлем и повесил его на руль. Потом наклонился, сунул руку куда-то вниз, испачкался, другой рукой полез за спину в капсулу багажника, выудил тряпку, долго вытирал руки, задумчиво поглядывая вниз на колесо.

Потом он бросил тряпку на прежнее место и, наконец-то, поднял голову. Обыкновенное лицо, правильное, спокойное, пройдёт мимо — ни за что не запомнишь. На вид — за тридцать. Острый нос, острый же подбородок. Брови тяжеловаты. Или нахмурился? Волосы

совсем короткие, русые с рыжиной, и брился, лентяй, дня два назад, что, впрочем, при его-то косухе смотрелось вполне в тему.

Мужчина слез с мотоцикла.

Сложен он был здорово: длинные крепкие ноги, широкие плечи. Вот, когда есть на что посмотреть, то я отдаю должное. Хотя, тут дело вкуса, конечно. Кому-то нравятся мускулы попухлее, а мне вот так, чтобы ничего лишнего, но ущипнуть было бы за что.

Мотоциклист присел на корточки перед колесом, протянул было руку, но передумал пачкаться ещё раз, встал и пошёл в дом.

— Опять суши не привёз? — печально спросил верзила, когда Шокер появился на пороге холла.

— Обойдётся, — вздохнул тот. Голос оказался приятный, но глуховатый. И чем-то неуловимо знакомый. — У меня бюджет не рассчитан на то, чтобы тебя каждую неделю суши кормить.

— Ну да, ещё скажи, что я их один ем, — фыркнул темноволосый, грустно посмотрел на свой бутерброд и принялся за еду.

— Лис, у меня что-то с передним амортизатором, — сказал Шокер. — Глянешь?

— Гляну, — отозвался блондин. — А тебя тут привет с родины ждёт.

— Где? — нахмурился Шокер.

Блондин молча мотнул головой в мою сторону.

Шокер развернулся. Усталые светло-серые глаза внимательно оглядели меня, ни одна чёрточка его худого лица не дрогнула.

— В чём дело? — спокойно спросил он.

— Меня прислал командор.

Шокер чуть сжал губы и слегка прищурился.

— Хорошо. Пройдём ко мне.

Он пошёл вглубь дома, и я, вскочив с кресла, направилась следом.

Шокер открыл одну из дверей и придержал её, пока я входила. Потом плотно закрыл её изнутри.

Всё время, с тех пор, как он вошёл в дом и заговорил, меня не оставляло мучительное состояние, когда смотришь на человека, и он кажется тебе знакомым, но ты никак не можешь вспомнить, где его видел.

Комнатка была спартанская. Узкая койка вдоль стены, компьютерный стол с ноутбуком в углу, два стула и узкий шкаф у двери. Ничего не говорило о том, что в комнате живут. Ни одной шмотки на поверхности, ни забытой чашки, ни книжки или какой-нибудь пустяковины. Комната-муляж.

— Я слушаю, — сказал Шокер и повернулся ко мне. Сесть не предложил и сам не присел.

— Командор Йан прикрепил меня к вашей группе для завершения операции. Я проводник.

Шокер пару раз хлопнул рыжеватыми ресницами, кашлянул и ничего не ответил.

— Что-то не так? — уточнила я.

Он промолчал, отвернулся от меня, подошёл к небольшому окну. Окно выходило в палисадник, и в раскрытые створки лезли ветки сирени. Шокер отдернул занавеску, высунулся наружу, отвёл ветки, закрыл окно и наглухо задёрнул занавеску. Затем повернулся ко мне. Его взгляд всё так же ничего не выражал, кроме хронической усталости.

И тут я наконец поняла, кого напоминает мне этот человек. Того самого парня, который спас меня от смерти в слоях. Если уж честно, то сходство-то не ах какое явное. Да, что-то в походке, в посадке головы... Ничего конкретного. Всё смутно. Но я знала, что измениться за десять лет до неузнаваемости для мужчины проще простого. Что-то такое жизнь с ними делает.

— Командор всё ещё здесь? — проговорил Шокер.

— Понятия не имею. Возможно.

Шокер выудил из кармана кобури телефон, пошкрябал длинным тонким пальцем по экрану, приложил гаджет к уху и замер.

Динамик у телефона был отрегулирован нормально. Будь на моём месте кто-то другой, он ничего бы не услышал. Но я прекрасно слышала длинные гудки на том конце линии. Значит, командор Йан всё ещё не покинул изнанку.

— Курьер-командор, — отозвался, наконец, Йан на гатрийском. — Слушаю тебя, Шокер. Голос распознать было уже труднее, но всё равно, моему слуху это было по силам.

— Йан... Ты прислал мне человека... — начал Шокер на том же языке.

— Да?

Шокер произнёс длинную фразу на гортанном звучном наречии. Это был древний мёртвый язык, от которого произошли все современные языки на поверхности, и в первую очередь гатрийский. Всё равно, что для нас латынь. Я этого языка не знала, да и у гатрийцев мало кто мог на нём два слова связать. Изучали его только в паре элитных заведений для золотой молодёжи.

— Ты просил проводника, — заявил Йан на гатрийском. — Хорошего проводника. Ты его получил.

Шокер резко бросил несколько непонятных слов.

— Ты получил лучшее, Шокер, — отрезал Йан. — Я дал тебе Апрель.

Шокер вскинул глаза на меня. Я прикинулась девочкой-ромашкой и просто пожала плечами.

Шокер нервно потёр лоб и произнёс что-то уже совсем другим тоном. Я бы сказала, что он извинялся за горячность.

— Я понимаю, что напряжение велико, а ситуация у вас непростая, — ответил Йан. — Но мне не нравятся твои капризы... Чтобы я этого впредь не слышал! Через полчаса я покину изнанку. Если есть вопросы — задавай. Если нет — жду доклада об успешно выполненной операции.

— Вопросов нет, — сказал Шокер на гатрийском. И надо сказать, его гатрийское произношение было чистейшим. — О результате доложу через курьера.

Он сбросил вызов и несколько секунд молча смотрел в никуда. Потом повернулся ко мне:

— Твои полномочия подтверждены, Апрель.

И русский его тоже был безупречен. Даже такой слухач, как я, не мог бы определить, какой язык для Шокара неродной. Вот и пойми, права я или мне всё-таки мерещится.

— Мне показалось, ты требовал у командора замены.

Шокер упрямо сжал губы:

— Что там полагается делать, когда кажется?.. Короче, осваивайся в доме. Не могу сказать точно, в какой момент твои способности нам понадобятся, но будь готова, этот момент может наступить очень неожиданно.

Я кивнула.

— Что-то ещё? — устало уточнил он.

Я не очень-то люблю глупо выглядеть, но, с другой стороны, вроде и не из трусливых. Если что-то не срастается, лучше пять минут позора, чем мучительные раздумья и сомнения. Поэтому я спросила:

— Ты меня не помнишь?

Он задумался, склонив голову к плечу.

— Нет. А должен?

— Ты же меня из слоёв вытащил.

Шокер нахмурил лоб, встряхнул головой и отмахнулся:

— Путаешь ты что-то.

— Десять лет назад, итоговые испытания на курьерских курсах... Инструктор уронил вагончик с курсантами в срединные слои... Ты ведь был среди спасателей.

Шокер покачал головой:

— Ты ошиблась. Меня там не было.

— Не может быть! — запальчиво возразила я и подошла к нему совсем близко.

Я прекрасно помнила, как острый раскалённый осколок камня полоснул моего спасителя по лбу и глубоко рассёк кожу. Должен был остаться шрам. Но шрама не было. Высокий лоб Шокара был чист и гладок.

— В чём дело? — с раздражением уточнил он. — Я слышал об этом случае с курсантами, но я не имею к нему никакого отношения.

Похож, всё равно похож. Да, уже не мальчишка, но ведь похож. Хотя... Тот парень был с изнанки. Он знал песенку Винни-Пуха и все на свете анекдоты, и уж точно ему негде было бы выучить древне-гатрийский.

— Извини, обозналась, — коротко вздохнула я. — Похож ты очень на одного человека.

Шокер укоризненно вскинул брови, но вежливо ответил:

— Ничего страшного. Мало ли похожих людей?

Я уставилась в его глаза. Он спокойно смотрел в мои, и ни один мускул на лице не дрогнул.

— У тебя всё? — проговорил он с лёгкой досадой. — Нам вместе работать, так что лучше пойдём, познакомлю с ребятами.

Он подошёл к двери и снова галантно открыл её передо мной.

— На первый взгляд мы живём дружной такой общагой, но мы всё-таки специальное служебное подразделение, поэтому мой приказ тут — закон для всех. И для прикомандированных помощников тоже, — сообщил мне Шокер, пока вёл меня по коридору обратно в холл.

Когда мы вошли, кроме уже знакомых мне блондина с планшетом и темноволосого верзилы с бутербродом, на диване сидела девушка в мужской рубашке, завязанной узлом на животе, и широкой цветастой юбке. Её тёмные волосы были как-то беспорядочно окрашены местами в рыжий цвет. Длинные пряди занавешивали лицо, доходя почти до подбородка. Чёлкой назвать это было сложно, больше похоже на вертикальные жалюзи.

Шокер вошёл вслед за мной и бодро хлопнул в ладоши:

— Группа, внимание! Немного официоза!

Все поднялись на ноги. И я ощутила себя лилипутом в стране великанов. Я ещё у калитки поняла, что верзила просто огромный, потом выяснилось, что Шокер тоже

длинный, лишь немногим пониже, но вот и жилистый блондин оказался ростом с Шокера, а крашенная девица, хоть и не доросла до парней, по сравнению со мной выглядела просто баскетболисткой.

Шокер встал между нами и, чуть касаясь ладонью моего плеча, другой рукой указал на девушку:

— Это Лали. Она замещает меня, когда я вне зоны досягаемости, и она у нас отвечает за сбор информации об объектах.

Лали легонько кивнула головой и соизволила смахнуть с глаз волосы. Глаза у неё оказались восхитительного бирюзового цвета, а взгляд надменно-отрешённый.

Затем Шокер ткнул в верзилу:

— Это Скай, брат Лали... Скай, перестань жрать, я тебя умоляю...

Скай покраснел, хотел спрятать недоеденный бутерброд за спину, но потом передумал и поспешно запихал его в рот.

— Это Елисей, — представил Шокер блондина. — Скай и Лис — наши силы быстрого реагирования, это их основная задача. Скай может поработать курьером при необходимости. Лис отлично разбирается в технике. Но в принципе у нас почти полная взаимозаменяемость, группа автономна... У нас был постоянный проводник. К сожалению, теперь его нет, поэтому... — Шокер повысил голос, обращаясь к своим. — ... поэтому высокое начальство прислало нам временного проводника для завершения операции. Знакомьтесь — Апрель!

— Вау! — сказал молчавший до этого Лис.

Жующий Скай просто вытаращил глазищи. Его сестра тряхнула головой, снова опустив забрало.

— Да, — согласился Шокер. — Неожиданно. Но это всего лишь показывает, как курьер-командор Йан ценит нашу с вами скромную работу. Поэтому у меня просьба: ведём себя адекватно, не забываем, что прикомандированный проводник — это в сущности гражданский специалист, а не солдат, и он не обязан обладать навыками профессионального ловца.

— А никто и не возражает, — сказал Скай, проглотив, наконец, свой бутерброд. — Мы вообще адекватные.

— Когда спим зубами к стенке, — подхватил Лис.

— Мне вот что интересно, — подала голос Лали из-за своей занавески. — Куда мы её поселим?

Голос девушки звучал с заметным, но очень мягким гатрийским акцентом.

— У тебя же в комнате есть кушетка свободная... — начал Шокер.

— У меня в комнате, — немного сварливо отозвалась Лали. — В первую очередь стоят серверы и роутер. Такого сильного проводника лучше держать подальше от аппаратуры.

— Это верно, — вздохнул Шокер. — Но ещё одна свободная койка — только у парней.

— А здесь чем плохо? — Лис помахал рукой по сторонам. — Диванище тут огромный, она хоть вдоль, хоть поперёк поместится.

— Нет уж, нашу кают-компанию мы трогать не будем, — возразил Шокер. — Всё-таки единственная общая комната...

— Не будем, не будем трогать! — кивнул Скай. — А то ни пожрать будет спокойно, ни потрындеть...

— А ты о жратве поменьше думай! — возразила Лали.

— А ты о железках своих думаешь больше, чем о человеке, — фыркнул Скай.

У него гатрийский акцент был более жёсткий, но проскакивал реже.

— Ты мне будешь электронику чинить, если что? — Лали дала брату подзатыльник.

— А пускай Апрель к нам жить идёт, — сказал Лис и подмигнул мне. — Мы ребята смиренные, только Скай во сне зубами скрипит...

Я просто ждала, когда старожилы общаги совместными усилиями найдут сомоново решение. Если бы они знали, в каких условиях мне приходилось выполнять задания и с кем делить койки, они бы так не суетились.

Шокер оставался спокойным, но на его лбу появились нетерпеливые складки.

— Базар закончили! — рявкнул он, и всё стихло. — Я переночую у парней, а Апрель — в моей комнате.

— Ну, ты мудёр! — задумчиво сказал Скай.

— Я... кто? — опешил Шокер.

— Мудёр ты, говорю, — хмуро повторил Скай.

— А-а-а-а... — Лис с размаху закрыл лицо ладонью, его плечи судорожно затряслись.

Шокер недовольно покосился на Лиса, и снова уставился на Ская. На лице Шокера читалась скорее озабоченность, чем гнев:

— Как ты меня назвал? — спокойно и даже осторожно уточнил он.

Скай в растерянности оглянулся на Лиса:

— Да хватит ржать! Что я такого сказал?!

Лис уже ничего не мог ответить. Он старался успокоиться, но тщетно. Закрыв лицо руками, он смеялся, тихонько подвывая.

Шокер покачал головой, на его лице промелькнула бледная тень улыбки.

— Что ты имел в виду, Скай? — вздохнул он.

Вконец обиженный Скай насупился:

— Да ничего!

— Он хотел сказать, что ты мудрый, — подала я голос.

Шокер резко развернулся ко мне.

— Трудности перевода, видимо, — улыбнулась я. — Любой нормальный гатриец решит, что если производное от «хитрый» — «хитёр», то от «мудрый» — «мудёр». И почему это должно быть иначе?

Шокер на какую-то секунду широко по-мальчишески улыбнулся, на мгновение снова став удивительно похожим на того, кого я помнила все эти годы. Затем резко стал серьёзным.

— Понятно. Не обижайся, Скай, — сурово сказал он и звонко шлёпнул товарища по плечу. — Но над языком тебе ещё работать и работать. А то и сам спалишься когда-нибудь, и нас подведёшь.

Ничего больше не сказав, Шокер удалился к себе.

— Работать?! — возмутился Скай ему в спину. — Как? Я целыми днями в четырёх стенах сижу, много я так заработаю?!

— «Наработаю», — поправила я его. — Здесь правильное сказать «наработаю».

— Спасибо, — всё ещё с раздражением буркнул Скай. — Спасибочки за науку! А то этот... — Скай мотнул головой в сторону вытирающего слёзы Лиса. — Этому бы только поржать...

— Небушко, не обижайся, — простонал Лис. — Я же не со зла...

— Шуты гороховые, — презрительно сказала Лали, повернулась и вышла из холла, держа спину по-королевски прямо.

— Ладно, посмеялись, и пора за дело, — вздохнул Лис. — Пойду командиру в спальне пространство освобожу, потом его байком займусь.

Он ушёл вслед за Лали, оставив нас со Скаем.

— Часто у вас тут такой дурдом? — уточнила я.

— Постоянно, — процедил Скай. — Тебе придётся привыкнуть.

— Ни к чему мне привыкать, просто потерплю. Я же к вам ненадолго, только с нынешним делом помочь. А потом на пенсию.

У Ская округлились глаза.

— Ну, контракт у меня заканчивается, — устало пояснила я.

— Жаль, — печально сказал Скай. — Ты мне понравилась. Вроде нормальный человек, хоть и... — он замолчал.

— Что?

— Да мелкая ты, как букашка, — усмехнулся верзила Скай. — Вот ни за что бы не поверил, что ты — Апрель.

— Почему это?

Он пожал плечами, отвернулся уже, чтобы идти прочь, но всё-таки спросил с любопытством:

— Слушай, а правду говорят, будто из-за тебя однажды новый год не наступил?

— Он наступил. Только опоздал на полтора часа, — уточнила я. — Я не виновата. Под главными часами департамента я села случайно. А когда я выпью, я ни за что не ручаюсь. Вот часы и переклинило.

— Ох, не верится, — усмехнулся Скай.

— Странно, что тебе не верится, ты же сам курьер.

— Да я такой курьер, что мне бы самого себя до места донести, — развёл руками Скай. — А о твоих штучках мы тут наслушались всякого. Может, половина — небылицы.

— А может и больше половины, — рассмеялась я и взглянула на его наручные часы. — Кварцевые? Дай-ка руку!

Он протянул мне огромную ладонь. Я взяла её, повертела, погладила, сжала обеими руками его сильные пальцы. Скай не сводил глаз с циферблата. Не прошло и полминуты, как секундная стрелка замедлила ход, едва-едва закончила очередной круг, замерла, а потом нехотя, упираясь и дрожа, медленно поскакала в обратную сторону.

— Здорово, — уверенно сказал Скай. — Класс. Везёт тебе.

— Ты уже такой большой, а восхищаешься пустяками.

Он просто улыбнулся в ответ. Улыбка была доброй и искренней.

Комнату свою Шокер мне оставил, как она была, в первозданной пустоте. Только на кровати стопочкой было сложено свежее постельное бельё. Я поставила рюкзак на стул, вынула кое-какие мелочи, застелила кровать, потом вышла в коридор, наткнулась на Лали и попросила у неё напрокат любое зеркало. Она ничего не ответила, но зеркало через пару минут мне занесла. Распутав кое-как перед зеркалом свою гриву, я стала немного похожа на человека. Можно было и в люди выходить.

В холле было тихо и пусто. Зато в окно было видно Лиса, который устроил себе перекур рядом с разобранным мотоциклом. Усевшись на старом рассохшемся пне, он задумчиво пускал дым, глядя на разложенные на брезенте запчасти.

Я вышла на улицу и подошла к нему.

— Можно с тобой покурить?

Лис прищурился и повёл плечами:

— Как хочешь, место не куплено.

Он полез в задний карман и протянул мне открытую пачку:

— Утощайся.

— Да фу, зачем мне эта отравка, — засмеялась я, разглядев в его руке «Данхилл». — Зачем ты такую дрянь куришь?

— Это дрянь? — удивился Лис и уставился на пачку. — Да брось...

— Ты работаешь с гатрийцами, а куришь вот это?

— Причём здесь гатрийцы?

— Они не научили тебя беречь здоровье? — я достала из кармана куртки пачку гатрийских сигарет: курево практически безвредное. — У меня вот... Хочешь?

— Это всё равно, что леденцы курить, — отмахнулся Лис. — Баловство девчачье. Если уж дым глотать, так чтобы толк был.

— И в чём толк от никотина с дёгтем?

— Вот только лекций от минздрава не надо, — поморщился Лис.

Я вынула из своей пачки сигарету, и Лис проворно щёлкнул передо мной зажигалкой. Когда я прикурила, он великодушно сдвинулся на самый краешек пня:

— Присаживайся, места хватит.

Я села.

— Они все нормальные ребята, — сказал вдруг Лис.

— Кто?

— Мои гатрийцы. Они нормальные, надёжные. Если ты что увидишь, просто не бери в голову.

— Что я такое могу увидеть?

На вопросы Лис отвечать не любил. Вместо ответа он просто продолжил рассуждать:

— Мы давно вместе, я для них свой, они для меня как родные...

— Подожди-ка, я тебя не понимаю.

— Да брось! — фыркнул Лис и лукаво прищурился. — Ясно же, зачем тебя прислали.

— Меня прислали, чтобы я заменила вашего проводника.

Лис кивнул. Потом вздохнул и ещё раз кивнул:

— Конечно, зачем же ещё.

Я взглянула на его идеальный точёный профиль, попыталась поймать взгляд, но он избегал смотреть в мою сторону.

— Лис, объясни мне, пожалуйста, зачем меня прислали.

— Не буду.

— Почему?

Он промолчал. Потом глубоко затянулся дымом и покачал головой:

— Пусть я в группе один с изнанки, ты ничего от меня не услышишь. Хотя мы с тобой и земляки, я на их стороне.

Очень странно вот так иногда обнаружить, что такой вроде обаятельный с виду парень на самом деле параноик.

— Как это ты в группе один с изнанки? А Шокер?

— Что Шокер? — не понял Лис. — Он гатриец.

— Точно? А по-русски чешет лучше нас с тобой.

Лис пожал плечами:

— Он гатриец. Но приказал всем общаться на русском. Ребят сурово держит, чтобы вживались. Гатрийский у нас запрещён. А то у близнецов пока очень заметно по выговору, что они неместные. За прибалтов уже сойдут, конечно, но Шокеру этого мало, ему во всём совершенство подавай... Сам он здесь уже очень много лет, и так прижился, что от нас, местных, и не отличишь.

— Талант, — усмехнулась я.

— Угу, — буркнул Лис, и в его тоне мне послышались лёгкие нотки неприязни. — Их аристократы вообще сплошь таланты... Хотя, кому я рассказываю, тебе ли не знать.

Эту шпильку я пропустила мимо ушей.

— А командир из него тоже талантливый?

— А ты много знаешь групп, которые столько лет одним составом работают? — фыркнул Лис. — Для начальства главное, чтобы задания быстро выполнялись. А мы, простые ловцы, ценим, когда командир своих людей бережёт. Шокера есть, за что ценить. Если какой-то чужак начинает под него копать, ребята напрягаются.

— Не напрягайтесь, я не копаю, — сказала я. — Но это прямо трогательно, что вы его так любите.

Лис покачал головой и кисло улыбнулся:

— Да за что его любить-то... Это он по первому впечатлению такой демократ. На самом деле — зараза, каких мало. Но это наша зараза, поэтому мы его не сдадим, не старайся.

В голове Лиса какая-то картина уже сложилась, и вряд ли её так просто можно стереть.

— Да мне до вашего Шокера... — вздохнула я. — Несёшь вздор какой-то. Или вам проводник не нужен?

— Да нужен вообще-то, — согласился Лис.

— А кстати, что случилось с вашим, постоянным?

Лис вдруг развернулся и посмотрел на меня в упор:

— Хочешь сказать, что не знаешь?

Разговор в конспирологическом стиле начал меня всерьёз утомлять.

— Ладно, забыли, — буркнула я. — Спрошу у Шокера.

— Нет, не надо у него спрашивать, — вздохнул Лис. — Проводник подвёл нас сильно. Предал фактически. Перешёл на сторону объекта и помог ему скрыться.

— С чего вдруг?

Лис угрюмо пожал плечами:

— Ну вот так вышло. Влюбился не вовремя и не в ту... Еле выкрутились, в общем.

— И как выкрутились?

— Как, как... Не так, как хотелось бы, — нехотя пояснил Лис. — Объект в конце концов всё-таки живьём взяли. Алексей, проводник наш, погиб при задержании. У Шокера выхода не было: или Скай, или проводник... А Лёха нам тоже не чужой был, два года вместе работали... Шокера потом отстранили на два месяца, что-то там всё проверяли, проверяли. Мы тут без него эти два месяца в простое с минимальным жалованием чаи гоняли. Уже, честно говоря, думали, не вернут нам командира, а нас расформируют. Но разобрались вроде... Не спрашивай Шокера, не бреди лишний раз. Он тоже не железный.

Я докурила свой «леденец», бросила окурочек в жестянку, что стояла возле пня именно для этой цели, и ушла в дом.

* * *

Выспалась я плохо, потому что долго не могла уснуть. Да, свежий воздух и сирень в окне — это замечательно. Но мне с моим слухом нужна если не мёртвая тишина, то хотя бы какое-то подобие. Ну, чтобы, если собачий лай, то где-то вдали, а если голоса, то лучше уж неразборчивым фоном. А тут прямо за забором заливался какой-то сумасшедший пёс, а во дворе, а затем в холле на весь дом до полночи трещала Лали. Её брат время от времени вставлял пару слов, но в основном слышался только её голос. Орала она на гатри, и смысл этого выступления сводился к тому, что это всё совершенно невыносимо, и она не собирается больше это всё просто так терпеть. Скай её утешал и успокаивал, но мне показалось, что она не для того жаловалась брату, чтобы он её утешил, а просто направляла претензии в эфир, зная, что тот, кому они адресованы, её слышит.

Когда же близнецы, наконец, утомонились, я накрыла голову пухлой подушкой Шокера, чтобы собачий лай перестал слишком донимать. И тогда удалось уснуть.

Утром меня разбудило движение в доме. Поняв, что все уже проснулись, я тоже с трудом заставила себя встать, одеться и прогуляться до ванной. Вернувшись обратно, я причесалась и решила, что верну зеркало хозяйке, а себе сегодня же куплю собственное.

Забрав с собой зеркало, я вышла в коридор, подошла к соседней двери, взялась за неудобную круглую ручку и толкнула.

Комната Лали совсем не напоминала девичью светёлку. Нет, ну жила тут явно женщина: один взгляд на ворох широких юбок, раскиданных на узкой лежанке, и уже всё ясно. А так — нормальное такое воронье гнездо настоящего компьютерного гения. Попискивают огромные серверные ящики, помигивает индикаторами роутер, провода под ногами и по стенкам. Несколько мониторов по разные стороны длинного широкого стола.

Прямо напротив двери центр стола украшала голая мужская задница. Шокер со спущенными штанами старательно оказывал внимание сидящей на столе Лали. Разглядывать её задранную юбку и окрестности я уж так пристально не стала, вряд ли там что-то могло поразить моё воображение.

Услышав, что дверь открылась, Шокер остановился, вытащил правую руку из-под бедра Лали и, не оборачиваясь, вlepил ладонью по столу:

— Кого там стучаться не научили?!

Я бросила зеркало на ворох юбок, выскочила в коридор и закрыла за собой дверь.

О да, гатрийские аристократы — большие таланты. Во всём, за что ни возьмутся. Что есть, то есть.

У командора Йана тоже есть стол в кабинете. Но он хоть дверь изнутри запирает. Тут же святая простота, дети гор...

Мимо меня по коридору пронёсся Скай.

— Апрель, выручишь?

Я пошла за ним на кухню.

— Слушай, сделай кофе на пятерых, а? Моя очередь, но мне ещё собраться надо, как-то всё некстати, — зататорил он.

— Я сделаю, хорошо. А куда тебя посылают?

— Не меня. Ты не слышала ещё, что ли? В Стокгольм сегодня все летим. После завтрака.

— Нет, мне сообщить забыли.

— Странно, Шокер вроде всех обошёл с утра.

Нет, Шокер кое-где подзадержался. Ничего, дело житейское, надо отнестись с пониманием.

— Ты бывала в Стокгольме? — спросил Скай, но потом сам же первый и засмеялся. — Нашёл, о чём спросить, идиот!

— Я там часто работала, только не подолгу. Короткие задания... А шахты там классные. Летишь со свистом!

— Вот, точно! Даже такой, как я, и то со свистом, — кивнул Скай. — Хотя, старики говорят, что в Финляндии ещё чище каналы. Только там всё законсервировано и неприкосновенно уже лет двести.

— И правильно. Должно же что-то остаться про запас. А то кто-то же повадился в каналах копать. Прыгаешь и не знаешь, что тебя ждёт. Я тут недавно чуть не расшиблась.

Лицо у Скай мгновенно стало, как у жалобного кота:

— Вот ведь, не повезло тебе. Здорово досталось?

— Ты иди, собирайся! — напомнила я.

Он хлопнул себя по лбу и убежал. Вот уж стреляйте меня, но никогда бы не подумала, что этот добродушный великан с наивным взглядом и вальяжная куколка с занавеской на глазах — родственники. Тем более близнецы.

Скай собирался долго. Я уже принесла кофейник в общую комнату и скромно сидела на своей табуретке, когда ребята начали появляться. Сначала Скай прибежал и стал быстро сооружать себе гигантский бутерброд, потом пришёл Лис и первым делом наполнил свою чашку.

— Кто кофе варил? — спросил Лис, сделав глоток.

Пришлось признаться.

— Я варила, — отозвалась я. — Скаю было некогда.

— Очень кстати. У Скай руки слегка не оттуда растут, — усмехнулся Лис. — Ты уж научи его, сколько чего в кофеварку класть, а то его бурду пить невозможно.

— Вот что-то я не помню, чтобы ты хоть раз отказался! — обиделся Скай. — А не нравится — сам делай!

Шокер и Лали вышли к столу вместе. Они расселись, не сказав ни слова. Лали принялась молча потягивать кофе, Шокер взял тонкий кусок сыра, скатал его в трубочку и стал неторопливо жевать.

— Вылет сегодня в час. Я уже всех нас на рейс зарегистрировал, посадочные распечатал, — сказал он. — Полетим налегке, чтобы никаких проволочек и неожиданностей. Ребята в Стокгольме снабдят нас всем необходимым. Квартиру на Престгатан для нас освободили... Лали, на удалёнке сможешь отсюда данные брать?

Она подняла голову и чуть отодвинула волосы с лица:

— Если там будет нормальная связь, то тут всё сработает без проблем.

— Отлично.

— А оружие? — уточнил Лис. — Машина? Снаряжение?

— Я же сказал: у нас будет всё необходимое! — повысил голос Шокер. — Ты что, вчера родился?

— Не вчера, — буркнул Лис. — Не люблю чужим пользоваться.

— Ничего тебе не могу предложить, к сожалению, — пожал плечами Шокер и взял ещё сыра. — Из своего через границу мы всё равно перевезём только автомобиль, так стоит ли из-за него связываться с паромом? Сутки потеряем.

— Согласен, — кивнул Лис.

— У меня страховки нет, — подал голос Скай.

Шокер приподнял брови:

— Чего у тебя нет?

— Медицинской страховки для шенгена. Они, конечно, не проверяют никогда...

— А почему это у тебя её нет? — удивился Шокер. — У всех есть, а у тебя нет?

— В прошлом месяце закончилась.

Шокер упёрся локтями в стол, сцепил пальцы и уткнулся в них губами.

— Небо, не лезь ты с ерундой... — сказал Лис, глядя в сторону. — В аэропорту купишь, это пять минут... Шокер, это правда пять минут.

— Дело не в том, сколько это минут, — отозвался Шокер будто нехотя. — Дело в том, что с прошлого месяца прошло уже три недели... Скай, ты, вообще, чем думаешь? И о чём?

Скай торопливо проглотил то, что было у него во рту.

— Виноват, — вздохнул он.

— Что за чёртова безответственность?! — рявкнул Шокер, ударив по столу.

Чувствуется, столам в этом доме вообще крепко доставалось.

— Виноват, больше не повторится, — Скай поднял на командира встревоженные честные глаза.

— Не повторится?! — Шокер тяжело и медленно выдохнул. — А сколько раз у тебя может не повторяться? Ты приказ мой хорошо слышал: на изнанке по-гатрийски не говорить? Хорошо слышал?!

— Да, — тихо сказал Скай.

— И что? — почти ласково продолжал допрашивать Шокер. — Кто вчера пол ночи вопил на гатри?

— Это был личный разговор, — пояснил Скай. — И я не вопил. Я больше слушал.

— Это неважно! — вздохнул Шокер. — Я же ясно сказал: никаких разговоров на гатри. В русском языке хватает слов, чтобы поговорить о любом личном. Если я чего-то действительно требую, это не просто так, а для пользы дела. Для вашей же безопасности. Да даже если и просто так, если мне вожжа под хвост попала, неважно. Это был приказ, что непонятно?!

Скай поджал губы.

— Что тебе непонятно?! — не отставал Шокер.

— Я был наедине с сестрой. Наедине как хотим, так и разговариваем! — твёрдо заявил

Скай. — Что ты ко мне прикопался? Опять рога режутся?

Шокер швырнул на стол ложечку и резко встал.

— А ну, пошли со мной! — процедил он и пошагал куда-то вглубь дома.

Скай покачал головой, поднялся на ноги и поплёлся следом.

Лис проводил их мрачным взглядом и повернулся к Лали:

— Что это с ним?

— С кем?

— С Шокером?

— А мне почём знать? — угрюмо ответила она, пожав плечами.

— А кому знать? Мне? — фыркнул Лис. — Так я с ним не сплю.

— Не хаами, — лениво отозвалась Лали.

— Ты зачем Ская подставляешь? Твои вопли вчерашние весь дом слышал... — не отставал Лис. — Сестра, называется. Я бы такую сестрицу...

— Пошёл ты... — и Лали чётко задала короткое трёхбуквенное направление.

— Не, — покачал головой Лис. — Незачёт. Больше работай над словарным запасом, а то Шокер услышит, совсем расстроится.

Лис несколькими длинными глотками допил кофе, отставил чашку, встал и пошёл из-за стола. Проходя позади Лали, он наклонился к ней и сказал с усмешечкой:

— До чего ж вы, гатрийские бабы, красивые... но без мозгов.

Лали осталась сидеть, прямая, как струна. Лица за чёлкой-занавеской было не видно, но тонкие пальчики, сплетённые вокруг чашки, мелко дрожали.

— Уходи, Апрель, — хрипло сказала она. — Иди отсюда. Я сама приберусь.

Я тихонько встала и, не возражая, удалилась в своё временное пристанище.

Если это именно то, что Лис советовал не брать в голову, то пожалуйста. Я готова не брать. В конце концов, если им не зазорно выяснять отношения в присутствии совершенно чужого человека, то почему мне должно быть неудобно?

А мне почему-то было неудобно. И ещё жалко Лали. Без всякой причины, из обыкновенной женской солидарности. Может, она и правда дура. Все мы дуры, куда ж деваться, кто больше, кто меньше. Да и не знаю я, конечно, что тут у них за дела, может, и поделом ей. Но всё равно Лали мне было жалко.

Я собрала со стола всякие мелочи, которые выкладывала на ночь из рюкзака и рассовала их по карманчикам. Вот и все сборы. Переодеться ещё, а то в самолёте, в любом, мне обычно душно и жарко.

Я сняла шерстяной свитер, вытащила из рюкзака тонкую белую водолазку, уже почти натянула её на себя, и тут в комнату ввалился Шокер, тоже, кстати, без всякого стука.

— Упс! Пардон... — Шокер тактично опустил глаза долу.

Я одёрнула водолазку.

— Это твоя маленькая месть за то, что я не постучалась к Лали?

— Нет, это скорее по инерции, моя комната всё же, — Шокер сбивчиво кашлянул, сунул руки в карманы и прислонился плечом к стене. — Это, значит, ты вломилась?

— Не смущайся, мне нет до этого дела... — отмахнулась я. — Видела я задницы и получше. Да и лица поприветливее.

Шокер угрюмо смотрел в пол.

— Да брось, не грузись, — вздохнула я. — Я здесь не с инспекцией нравов. Ладно бы, я что-то новенькое увидала. А так, что в столичном департаменте на поверхности, что в медвежьем углу на изнанке, везде одно и то же: аристократ, девчонка и стол покрепче.

— Ты собралась? — спросил он, когда я договорила.

— Нищему собраться — только подпоясаться, — я кивнула на свой рюкзак.

— Не густо у тебя пожитков.

— Я, что надо, покупаю, а что не надо — выбрасываю. У меня жизнь в разъездах, а много вещей на себе переть — у меня спина не казённая.

Я машинально поддёрнула рукава водолазки, не люблю длинные.

— Эт-то что такое? — Шокер отлепился от стены, шагнул ко мне и схватил за руку.

На моём предплечье всё ещё расплывались довольно заметные жёлто-сиреневые круги.

Я попыталась вырваться, но у Шокера не рука — капкан.

— А ну-ка! — он бесцеремонно потянул вверх нижний край водолазки.

— Отпусти! — возмутилась я, но он задрал мне свитер до подмышек и покрутил меня, осматривая со всех сторон, и только потом отпустил.

— Это что такое? — сурово повторил он свой вопрос, пока я поправляла одежду.

— Ничего! — буркнула я. — А то сам не знаешь!

— Откуда взялось? Как давно?

— Полёт в повреждённом канале. Месяц назад... чуть больше.

Шокер ничего больше не сказал, только долго смотрел на меня, напряжённо хмурясь, потом развернулся и ушёл восвояси.

Я посидела ещё минуту, глядя на рюкзак, но так как никакого полезного занятия у меня больше не было, я встала и вышла из комнаты.

В холле со стола уже было всё собрано, а перестук и звяканье слышались уже из кухни.

Может быть, Лали и собиралась прибираться сама. А, скорее всего, не собиралась и спихнула всё на брата. Кажется, у неё было так принято, чтобы за всё отдувался Скай. Он и хозяйничал в кухне, гремел тарелками и чашками, распахивая их по буфету. Оглянулся на меня и продолжил своё занятие. Его лицо всё ещё было покрыто красными пятнами.

— Досталось?

— Угу.

— Думаешь, это справедливо?

Скай кивнул.

— По-моему, вздорные какие-то придирки.

— Но я ж командиру нагрубил. Да и приказ нарушил.

— А если приказ идиотский?

— Я солдат.

— Но ты не раб. Если твой командир отдаёт идиотские приказы, ты имеешь право подать прошение о смене группы. Я знаю ваш устав.

— Я тоже знаю устав, — вздохнул Скай. — Я бы, может, и сменил группу. Но Лали не уйдёт, а я её не брошу.

— Ничего себе у вас... дружная общага. Как вам только удаётся преступников ловить?

Скай покосился на меня:

— А это потому что Шокер — гений.

— Да неужели?

— Угу.

— А гениям всё можно?

— Типа того.

— И то, что он с Лали делает, тоже?

Скай пожал плечами:

— Она хочет этого. Ей это нужно... А тебе какое дело?

— Да никакого. Я пришла и ушла. А тебе потом её вытаскивать, когда всему этому конец придёт. Тебе, не кому-то другому! Ты готов? Справишься?

Скай из всех сил захлопнул дверцу буфета, да так, что посуда внутри жалобно зазвенела. Его лицо снова пошло красными пятнами.

— Что же вы такие тупые, мужики? — пробормотала я. — Порода страусиная... Ничего не вижу, ничего не слышу, голову в песок...

— Небо, не слушай её! — Лис ворвался на кухню, облил меня злобным взглядом, взял несчастного Ская за плечи, развернул его и подтолкнул к выходу. — Иди к сестре! Она звала.

Когда Скай ушёл, Лис повернулся ко мне:

— Не лезь, куда тебя не просят! Засланка командорская...

Я засмеялась.

Ничего. Месяц. Какой-то месяц, а если повезёт, то и меньше. И этих приятных ребят я больше не увижу никогда.

Лис наклонился ко мне и положил руки на плечи. Голубоватые глаза уставились на меня с неприязнью.

— Не трогай их, — сказал он холодно. — Не смей. Не позволю.

Вот же чёрт... Если бы меня кто-то так защищал. Или хотя бы пытался...

Я повернулась и пошла прочь из кухни.

— Быстрее собирайтесь! — раздался откуда-то из глубины дома голос Шокера. — Через час мы должны быть в аэропорту.

* * *

Я люблю Стокгольм. Это ласковый город. Он всегда принимает тебя так, будто только тебя и ждал. Будто вся его северная красота, дружелюбие, достоинство и покой — для тебя. Ну, по крайней мере, на то время, пока ты у него в гостях.

Нельзя сказать, что Стокгольм целиком построен гатрийцами, но руку к выбору места они приложили. Там такой букет каналов, ведущих на поверхность, что иначе и быть не могло. По шестидесятой параллели северо-запада Европы каналы вообще натыканы частоколом. Не случайно же именно тут столько значимых городов. Не красоты же белых ночей ради их тут в ряд понастроили. Осло, одиннадцатый век. Стокгольм, тринадцатый век. Хельсинки — шестнадцатый. Ну и наш Питер, самый молодой. Так и шли гатрийцы, не торопясь, с запада на восток, нанизывая жемчужины на нитку. Своими силами гатрийцы ничего никогда не делали, но их агенты очень хорошо умели всё доходчиво *объяснить*, кому надо, что и где требуется построить. Вот с Хельсинки промахнулись поначалу, пришлось потом город перенести немного в сторону. А царь Петр Алексеевич, говорят, упорствовал сильно, не нравились ему приневские болота Ингерманландии. Но всё-таки *объяснили* ему, где именно рубить окно в Европу. И когда питерские каналы заработали, как полагается, финские решили поставить в резерв, заморозить всё слегка, застопорить, сделать так, чтобы

Финляндию вообще все в покое оставили. Даже дедушке Ленину *объяснили*, почему Финляндии в восемнадцатом надо предоставить независимость. Да и Северная война тридцать девятого-сорокового закончилась так, как она закончилась, тоже не случайно. В общем, много всего интересного и полезного для общего развития узнаёт тот, кто обучается на гатрийских курьерских курсах.

Я за последнюю пару лет выбиралась в Сток очень редко. Но этот город оставляет о себе такую прочную эмоциональную память, что как только ты туда попадаешь, становится неважно, как давно ты там бывал. Город весь твой сразу же, с первой секунды.

Летать туда я не люблю. Да, быстро, да, удобно. Но ничего лучше прибывающего утром парома для приезда в Стокгольм пока не придумали. Хотя, конечно, Шокер был абсолютно прав: терять время на паром бессмысленно. Поэтому нас ждало не утреннее прибытие, а прилёт в аэропорт Арланды во второй половине дня.

Мы добрались на автобусе до конечной остановки у железнодорожного вокзала и спустились в метро. Одна остановка по зелёной ветке — и мы у цели. Конечно, до квартиры в старом городе можно было бы добраться и пешком. Но ребята, похоже, пешком ходить не любили. Я послушно тащила за ними, надеясь, что у меня ещё будет время спокойно побродить в городе.

Дом семьдесят шесть по улице Престгатан стоит в самом сердце старого города — Гамла-Стана. Мимо него ежедневно водят сотни туристов. На сам дом внимание туристов обычно не распространяется: все глазят на двор приходской школы церкви Святого Николая и на знаменитую статую мальчика, взбирающегося на коня. Да ещё прямо к статуе выходит одна из самых узких в мире улиц — переулок Мартен-Тротцигс-Гренд, по которой непременно таскают вверх-вниз туристические группы.

Никому и в голову не приходит, что статуя мальчика с конём стоит прямо у дома, в котором веками живут гатрийские агенты. Это не конспиративная квартира — гатрийцы никогда не обставляют своё присутствие на изнанке излишним шлейфом тайны, потому что зачем? Кому надо, тем о них известно, а кому не надо, те всё равно ничего не поймут и ничему не поверят. Этот дом и не отель, скорее общежитие, которое содержат те, кому положено обеспечивать работу специальных гатрийских миссий на изнанке. Простой, малоприметный, очень старый, но ухоженный снаружи дом, выкрашенный в морковный цвет — это одна большая трёхэтажная квартира. Столовая и кухня внизу, шесть небольших спален да плюс ещё в мансарде оборудована просторная удобная комната, для особых визитёров.

Пока мы устраивались в спальнях, пока ждали доставки еды на вынос и ужинали в столовой, наступил вечер. Шокер лично сгрёб и вынес из столовой коробки и пакеты из-под еды, принёс маленький ноутбук и положил на обеденный стол перед собой.

— Итак, давайте обсудим, что и как мы с вами будем делать в ближайшие несколько дней, — сказал он, внимательно посмотрев в лицо каждому из нас. — Наш объект пока здесь, в Стокгольме. Проживает уже несколько недель на одном месте, в тихом спальном районе на окраине. Ни в чём подозрительном властями замечен не был, впрочем, что с них, властей, взять, сами понимаете. Лали удалось довольно плотно к нему прицепиться. Периодически его чип теряется из виду, но после всегда он обнаруживается вновь, поэтому мы его ведём. Но на визуальный контакт мы с ним так и не вышли. Как он сейчас выглядит, мы не знаем. Знаем только, что прошедшей зимой он выглядел вот так...

Шокер открыл крышку ноутбука, подождал, пока проснётся экран, и развернул ноут ко мне:

— Апрель, показываю специально тебе, как новому члену команды.

На экране висела цветная фотография мужчины в стёганом лыжном костюме и вязаной спортивной шапочке. Из-под шапки в разные стороны торчали длинные светлые волосы, а лицо украшала не особо ухоженная борода и усы, закрывающие губы.

— Да уж, сбрей он всё это, и ни за что вы его не узнаете, — усмехнулась я.

— Именно, — кивнул Шокер. — Я просил здешних ребят поставить камеру, снимающую вход в подъезд по интересующему нас адресу. Они этого не сделали, не знаю уж, по какой причине. Так что знакомиться с бывшим наёмником Тайлером будем сразу лично. Завтра с утра этим и займёмся. Никому из мужчин даже соваться не следует. Тайлер — калач тёртый, наученный жизнью, до своей персоны так просто не допустит... Ты как, Лали, готова поработать на местности?

— Я-то готова, — буркнула она. — Ты только не забудь, что, когда я эту фотографию делала, он меня видел. Он на меня смотрел и улыбался. Он мог меня запомнить.

— Да ты вспомни, как ты прошлой зимой сама выглядела, — вставил Скай. — Тогда и сейчас — две разные женщины.

— Да я что, против? Я просто предупреждаю. Узнает меня и не откроет, а потом смоемся, как обычно. Или просто не откроет, из принципа.

Шокер пожал плечами:

— Ну, мне сложно судить о его принципах... Лис, вот ты бы открыл дверь Лали?

— Я? Я бы открыл, — уверенно заявил Лис. — А если бы она ещё одну пуговку расстегнула, я бы даже очень быстро открыл.

— Трепло, — фыркнула Лали.

— Нет, просто я — лицо заинтересованное, по мне судить не надо... И вообще, вот кого надо к Тайлеру подослать! — Лис мотнул головой в мою сторону. — Загнанный в угол мужик, возможно, к женщине-вамп отнесётся с подозрением, а вот ребёнка и не испугается, и не обидит.

— Мысль дельная, не отрицаю, — проговорил Шокер. — Но я не могу использовать стороннего специалиста в нашей оперативной работе. И Лали-то, строго говоря, не должна этим заниматься, но она достаточно опытна, чтобы с этим справиться. А вот подсовывать объекту Апрель мы не можем.

— А что сделать-то надо? — уточнила я.

— Да ничего особенного, — пожал плечами Лис. — Просто добиться того, чтобы объект вышел на близкий контакт. Увидеть его глаза в глаза. Ну, сказать что-нибудь невинное в своё оправдание, извиниться и уйти... Детские шалости, в общем.

— Елисей, давай серьёзнее! — рассердился Шокер. — Были бы детские шалости, не было бы постоянных обломов.

— Ребята, я, конечно, ростом не вышла, и врукопашную биться не умею, но пробурчать пару фраз, извиниться и уйти я смогу. Если уж я сейчас с вами, используйте такую возможность.

Шокер внимательно смотрел на меня.

— По-шведски говоришь? — уточнил он.

— Мне здесь всегда английского хватало.

— Отлично, — Шокер задумчиво постучал ладонью по столешнице. — Тогда немножечко нарушим правила и попробуем воспользоваться тем, что у нас в группе новое, совершенно незасвеченное лицо. Разыграем старый добрый трюк с заглохшей машиной.

Подъедем поближе к его дому, мы с парнями выйдем, уберёмся с поля видимости, а ты, Апрель, войдёшь в подъезд, позвонишь в его дверь и, если он вдруг откроет, скажешь, что у тебя на улице заглохла машина, и попросишь номер телефона эвакуатора. Дальше по обстоятельствам. Варианты следующие: он захлопывает дверь — тогда уходишь восвояси. Он даёт тебе номер телефона — говоришь спасибо и тоже удаляешься. Он вдруг возжелает лично посмотреть машину — ведёшь его на улицу, дальше мы с ребятами берём инициативу. Но последний вариант настолько маловероятен, что не стоит его всерьёз рассматривать.

— Хорошо, я поняла.

— Говорить с ним только по-английски! Только! Не хватит слов — добавишь жесты. Ясно?

— Да, ясно, — согласилась я.

— Ну тогда вот что, — подытожил Шокер. — Подъём в четыре. Будильники можете не ставить, я вас разбужу. Завтрак в боевом режиме...

— Ну, как всегда, — проворчал Скай.

Лис молча припечатал его локтем в бок.

Шокер сделал вид, что ничего не слышал и не видел.

— Всем отдыхать! — скомандовал он и ушёл к себе в комнату.

Это был не особо симпатичный малоэтажный спальный район. Жили здесь явно не богачи, но и не люмпены. Всё довольно чисто и опрятно, но как-то скучновато. И в столь ранний час, да ещё в выходной день, на улицах не было ни души.

Шокер остановил машину на перекрёстке.

— А может быть нам... — неуверенно начал Скай. — Сразу разведку боем провести?

Шокер оглянулся к нам на заднее сидение:

— А именно?

— Он откроет, пока слово за слово... Мы с Лисом заходим и...

— Было бы дело на хуторе в степи — да, я бы с тобой согласился, — задумчиво отозвался Шокер. — А здесь, если вдруг хоть что-то пойдёт не так, мы попадём во все новостные ленты Швеции, а может и не только. Нам тут только плясок с местным спецназом не хватает. Нет, спешить нам некуда. Форсировать события не будем... Апрель, ты не передумала?

— С чего бы мне передумывать?

— Тогда вперёд.

— Может, всё-таки жучка?.. — спросил Лис. — На всякий случай. А, Шокер? Хоть послушаем.

— Я думал об этом, — кивнул Шокер. — Нет. Из тех же соображений. Если вдруг что-то пойдёт не так, мы это всё равно узнаем, но если про Тайлера говорят правду, что он не дурак, то жучок он быстро обнаружит, и тогда всё уже гарантированно пойдёт не так.

— Ну так мне идти, или вы ещё не все варианты обсудили?

Шокер повернулся ко мне:

— Иди. Если хорошо помнишь всё, что я тебе говорил.

Я вышла из машины и направилась к подъезду трёхэтажного жилого дома с одинаково застеклёнными пустыми лоджиями. Дверь оказалась заперта на электронный замок с домофоном. Я просто приложила к замку ладонь и постояла так минуты две. Замок беспомощно чирикнул, звякнул и разблокировался.

Несколько ступенек вверх, и я нажала на кнопку звонка квартиры первого этажа. Я была настроена на то, что звонить придётся не один раз. Обитатель квартиры с большой вероятностью сейчас видел сладкий утренний сон.

Но, видимо, тут жил человек, у которого совесть была неспокойна. Мой единственный звонок был услышан. Из-за двери донеслись неторопливые шаги, потом меня, вероятно, некоторое время рассматривали в глазок, и дверь открылась.

Невысокий и крепкий молодой мужчина в серых трениках и чёрной футболке таращил на меня заспанные глаза. На макушке стоял дыбом стриженный светлый ёжик.

— Извините, мистер... — начала я по-английски. — Моя машина...

Тут я вдруг поняла, что слово «заглохла» я и не знала никогда, а слово «сломалась» знала совершенно точно, но вот сейчас оно вылетело из головы, хоть расстреливай.

Мужчина лениво зевнул.

— Моя машина... — снова начала я, шагнув вперёд, но нужное слово не вспоминалось. — Она не едет. Мне нужна ваша помощь... Машина не едет.

Он встряхнул головой и недовольно пробормотал по-английски:

— Я понял. Машина. Не едет. Что ты от меня хочешь?

— Номер... Номер сервиса... или... тех, кто забирает машины с улицы... — как перевести слово «эвакуатор» я тоже никак не могла сообразить. — Нет ли у вас такого номера? Чтобы им позвонить?..

— Сейчас я посмотрю, — буркнул крепыш, рассеянно почесывая коротко стриженный затылок. Но не двинулся с места, уставился на мои кроссовки. — Ты... слушай... или туда, или сюда.

— Что? — не поняла я.

— Говорю, или туда шагай, или сюда!

Я шагнула в квартиру, и мужчина прикрыл дверь.

Он отвернулся от меня, опять зевнул и вдруг с досадой процедил по-русски себе под нос:

— А то встала на пороге... Понаехали, блин.

— Ой... Вы говорите по-русски?!

Мужчина, уже снявший с полки в коридоре какой-то городской справочник, поспешно повернулся в мою сторону:

— Ну, допустим...

— У меня машина заглохла! Вот прямо у вашего дома! Не представляю, что делать. Мне бы до какого-нибудь эвакуатора дозвониться! — затараторила я. — Ведь есть же у них эвакуаторы, да? Не может же не быть, правда?

Мужчина слушал и внимательно смотрел на меня. Вдруг он часто заморгал, а лицо перекосилось.

— Кирюха... — проговорил он неуверенно и судорожно сглотнул. — Ты, что ли?

Я не ответила. Этого человека я не знала.

— Да быть этого не может!.. — фыркнул мужчина и отшвырнул от себя справочник. — Ты как сюда попала?.. Кирюха, блин... И ведь не изменилась даже, — он покачал головой, поднял руки и крепко потёр лицо, оно аж покраснело. — Ну что, совсем не узнаёшь, систер?

— Марек? — пролепетала я.

— Что, не похож?

— Нет.

Я всмотрелась.

Ну да. В самом деле. Марат.

В моей памяти он оставался тощим жилистым парнем с вечно немойтой копной длинных белёсых прядей и по-мальчишески узким лицом. Да, он тогда казался мне уже прямо мужиком, но теперь-то я понимаю, что это был всего лишь худосочный пацан.

Сейчас передо мной стоял тридцатилетний плотный коротко стриженный блондин с крепкой шеей и безупречными бицепсами. Физиономия огрубела, скулы стали шире. Поди узнай такого.

— Ну ты и кабан стал, бро, — усмехнулась я.

Марат неловко улыбнулся. И внезапно помрачнел.

— Ты как сюда попала? — повторил он свой вопрос, но уже не растерянно, а убийственно серьёзно.

— Моя машина...

Он прищурился и рявкнул:

— Не вешай мне лапшу!.. К чёртовой матери твою машину, если она вообще

существует!.. Ты — ловец?

Я промолчала.

— Я привык жить и каждую минуту ждать вас, — процедил Марек. — Так что я не удивлён. Вот только интересно, кто тот мерзавец, что таких... таких соплячек наживкой делает.

— Мне уже двадцать пять, бро, если ты считать разучился. Я уже сопли вытерла давно. Он что-то поспешно обдумывал, покусывая губы и не сводя с меня взгляд.

— Нас слышат? — спросил он.

— Нет, вряд ли.

— На что вы надеялись? Что я выйду на улицу покопаться в твоём моторе?

— Как вариант.

Он покачал головой с горькой усмешкой:

— Да ты жива только потому, что ни хрена не изменилась за столько лет. Если бы я тебя не узнал, сейчас ты была бы уже мертва.

— Ты суровый мужик, Тайлер.

Он кивнул, потом сделал несколько шагов к окну, не выпуская меня из вида. Осторожно глянул в щель между полотнищами шторы.

— Это и есть твоя машина, вон там, у перекрёстка?

— Да.

— На ходу? Бензина на сколько хватит?

— Марек, не выйдет.

— Бензина, спрашиваю, сколько?! — снова рявкнул Марат.

— Полбака где-то.

— Неплохо.

— Марек, уйти тебе не дадут.

Он покачал головой:

— Да, как же! Группа ловцов из Питера пёрлась за тридевять земель, чтобы меня пристрелить? Местный снайпер гатрийцам обошёлся бы дешевле.

Он пошёл в мою сторону, и на лице его была такая решимость, что я невольно отступила назад и упёрлась спиной в стеллаж. Марек подошёл вплотную, протянул руку куда-то на полку, потом вдруг резко крутанул меня за плечо, заломил руки назад, и на моих запястьях защёлкнулись наручники.

Я дёрнулась.

— Спокойно, систер! Не рвись, а то ненароком больно сделаю.

Марек деловито облапал меня, вытащил мой мобильник и отложил его подальше на тумбочку.

— Значит, так! Стой, помалкивай и не мешай мне, — сказал он со вздохом. — Если будешь умницей, и, если нам повезёт, останемся при своих.

Он метнулся в соседнюю комнату, дверь не закрыл. Поглядывая на меня, он стянул штаны, влез в тёртые джинсы, надел и застегнул наглухо короткую кожаную куртку, вынул из большой спортивной сумки какой-то пистолет и сунул себе назад за ремень. Похватал по сторонам ещё какие-то мелочи и рассовал по карманам.

— Кто командует группой? — спросил Марек, выходя из комнаты ко мне.

Я промолчала.

— Абы кого по мою душу точно не пошлют, — уверенно сказал он. — Так кто тот

крутой профи?

— Шокер.

Марат со значением поднял брови.

— Я польщён, — серьёзно кивнул он.

Подойдя ко мне, Марек ещё раз быстро обыскал меня:

— Ключи-то где?

— У меня их нет. Не я вела.

Марат тяжело вздохнул, взял с тумбочки мой телефон, открыл список контактов, нажал вызов:

— Привет, Шокер!..

Несколько секунд Марек послушал, потом противно хохотнул в трубку:

— Ты бы мне ещё с детсада кого-нибудь подослал! Да ты, мужик, совсем спятил, девчонками прикрываешься... Пока жива, но я эту шейку двумя пальцами передавлю, учти.

Он ещё немного послушал, потом перебил:

— Слушай меня! Сейчас ты откроешь машину и сунешь ключ в зажигание. И отойдешь так далеко, что мне тебя даже будет не видно. И ни одна задница на выстрел не подойдет. Будете сидеть и тихонько смотреть. Всё ясно?.. Хорошо, даю. Поговори.

Марек повернулся ко мне и приложил телефон к моему уху.

— Да, — произнесла я. Получилось хрипло.

— Эй, ты как там? — тихо и спокойно спросил Шокер.

— Никак, — буркнула я.

— Не бойся, мы тебя вытащим. Всё будет в порядке.

— Я...

Марек не дал мне сказать, больно ткнул меня двумя пальцами под рёбра. Старый подлый трюк. Он так и в детстве делал. И как в детстве, от неожиданности и боли я жалобно вскрикнула.

— Рот закрой! — громыхнул Марек и свободной рукой хлёстко шлёпнул себя по руке, держащей телефон: фальшивая оплеуха, ещё один трюк для Шокера. Потом Марат приложил телефон уже к своему уху. — ... Да не твоё собачье дело, Шокер, и ты меня на жалость не возмёшь... Мне без разницы: женщина, не женщина. Для меня вы, ловцы, все бесполые. Хочешь, чтобы девка осталась жива — дай мне уйти, вот и всё. Через две минуты мы выходим, и смотри мне, чтобы ключ был в зажигании.

Марек сбросил вызов и сунул телефон обратно мне в карман.

Я просто смотрела на него и молчала.

Он поймал мой взгляд:

— Да не пялься ты на меня так!

— Как?

— Понимаешь, Кирюха, нельзя мне вам в руки попадаться.

— Сними наручники!

— Сниму. Потом. Если нам повезёт, — Марек открыл входную дверь и закончил. — Твоя задача — перебирать ногами и не рыпаться.

Он рывком вытащил меня на лестницу и, крепко держа за локоть, повёл к двери подъезда.

Когда мы вышли из подъезда, водительская дверца нашей машины была открыта, а Шокер стоял метрах в пяти, сунув руки в карманы.

Марек перекинул меня в другую сторону, обхватил за шею левой рукой и прикрылся мной. В его правой руке появился пистолет.

— Отвали! Я тебе что сказал: чтобы тебя видно не было! — прикрикнул он на Шокера и больно ткнул мне дулом в подбородок. — Много раз повторять не буду!

Шокер вынул руки из карманов, поднял их вверх, словно успокаивая, повернулся и, не оглядываясь, пошёл прочь. Через полминуты он исчез за углом.

Марек подтащил меня к машине и пихнул внутрь.

— Лезь! На то сидение перелезай!

Со скованными за спиной руками это была ещё та задача. Но я как-то справилась.

Марек повернул ключ, и когда машина завелась, он выжал из неё всё.

Мы неслись по каким-то тихим улочкам, иногда настолько узким, что, казалось, мы сейчас сшибём на своём пути все боковые зеркала припаркованных машин. Меня мотало из стороны в сторону, я наваливалась то на дверь, то на Марека. На каком-то перекрёстке Марек рванул было вперёд, но сбоку выскочила группа мотоциклистов. Марек дал по тормозам, меня швырнуло вперёд и приложило лбом о крышку бардачка.

Марек с досадой выматерился, потом наклонился ко мне:

— Кирюха, жива?

— А не всё ли тебе равно? — буркнула я, с трудом разгибаясь. — Трудно было меня пристегнуть? Это две секунды.

Марек потянул мой ремень и вставил в замок.

Ещё десять минут гонки я выдержала уже легче. Просто пыталась не думать о том, что происходит, и не смотреть по сторонам. Второе было не так уж и сложно: на ресницах уже скопилась кровавая плёнка.

Наконец, Марек остановил машину на небольшой парковке около загородного причала. На воде болтались несколько белых катерков, и вокруг не было по-прежнему ни души.

Марек отцепил мой ремень безопасности, приподнял меня, встряхнул.

— Ты как? — обеспокоенно спросил он, разглядывая мою физиономию.

— Выживу.

— Всё, Кирюха, — деловито сказал он. — Дальше я один.

— Сними наручники.

— Дождёшься Шокера, он снимет, — хмуро сказал Марат, вынул из кармана ключик от наручников и положил его на приборную панель. — Всё, бывай.

Он стал выбираться из машины.

— И ты вот так уйдёшь?! Вот так возьмёшь и бросишь меня тут? Как тогда?!

Марек обернулся, помешкал немного и залез обратно:

— Как только я смогу, я пришёл за тобой. Через два года. А тебя и след простыл... И я смотрю, ты прекрасно обходилась без меня столько лет. И нечего было мне, дураку, переживать. И так понятно было, что тебя обязательно на поверхность заберут. Вот и дело ты себе нашла. Правда, дрянное дело, но не мне тебе указывать. Так что бывай, систер.

— За что ты так со мной?

Он злобно нахмурился и промолчал.

— Да и хрен с тобой, бро. Только сними наручники, я хоть кровь вытру.

— Нет, оставайся так. Пусть видят, что Тайлер с тобой сделал.

— Зачем?!

— Затем. Ты что, тупая? Никому не говори, что я твой брат, и твоя карьера ловца не

пострадает.

— Я не ловец.

Марек усмехнулся:

— Ну тогда и я не Тайлер.

— Я не ловец, Марек. Я их временный проводник.

Он расхохотался.

Я вздохнула и закрыла глаза:

— Ну и иди тогда в задницу. Утомил.

— Слушай, систер, я знаю цену, которую они готовы за меня платить. Они науськали на меня самого Шокера. И они никогда не позволят, чтобы с таким трудом пойманного преступника переправляла на поверхность какая-то малявка. Им нужна гарантия.

— И кто бы им эту гарантию обеспечил?

Марат пожал плечами:

— Я не знаком лично с элитой курьерской службы, многовато для меня чести будет, но наслышан... Они прислали бы Шокеру или Громилу, или Апрель, или, на худой конец, Светояра.

В моём кармане зазвонил телефон.

Марек вынул его, глянул на экран и нажал на ответ, а заодно и включил громкую связь.

— Тайлер, ты ещё здесь? — раздался голос Шокера.

— Считай, что уже нет. На этот раз ты, Шокер, просрал всё, что можно. Так что, если хочешь конфетку, тебе придётся побегать за мной ещё.

— Что с девушкой?

— Сам спроси. Она тебя слышит.

— Апрель! Ты как там?

— Бывало и хуже, Шокер, — проговорила я, отвернувшись.

— Ты цела?

— Позора больше, чем ущерб.

— Тайлер, отпусти её, хватит, — устало сказал Шокер.

— Да забирай. Причал Торгбаккен. Трусой далековато будет. Такси возьми, — буркнул Марек и оборвал звонок.

Несколько секунд он сидел молча.

— Апрель... Сказали бы мне, не поверил бы, — вздохнул он наконец.

— Да мне с твоей веры, знаешь ли... — я проглотила ругательство и дёрнула руками за спиной. — Сними это с меня!

— Не сниму! — повысил голос Марат. — Не надо, чтобы они подумали, что ты как-то со мной повязана. Чтобы ни малейшего подозрения, понимаешь? Ты меня не знаешь, мне на тебя плевать — вот как это должно выглядеть!

Я не смотрела на него, отвернувшись в окно.

— Кирюха, я никогда бы тебя пальцем не тронул. Что ты лоб расквасила, за то прости. Надо было тебя пристегнуть, виноват.

Его рука легла мне на затылок, неловко погладила. Я попыталась ударить его скованными руками:

— Пошёл в жопу! Или ещё куда подальше!

— Дурёха... Ладно, я побежал. А то Шокер меня всё-таки сцапает. А мне нельзя. Они меня убьют, а у меня ещё дел по горло.

Я повернулась к нему. Марат смотрел на меня, поджав губы.

— Вали отсюда! — вздохнула я. — Шокер трусцой о-о-очень быстро бегают.

— Я найду тебя, обещаю! — Марек хлопнул дверью и побежал к одному из катеров.

— Да нужен ты мне больно... — процедила я, глядя ему вслед.

Он быстро расчехлил мотор, и через минуту белый катерок уже был чуть ли не на середине озера.

— На чёрта ты мне нужен, бро... — пробормотала я и заплакала. Слёзы размочили кровь из рассечённого лба, начавшую засыхать на ресницах, и она закапала, попадая в глаза.

Минут через десять примчавшийся Шокер рванул дверцу с моей стороны и сунулся в салон.

Было время, я считала русский мат самым изощрённым. Но гатрийцы нас превзошли. От перевода короткой фразы, которую, увидев меня, изрёк Шокер, зарделся бы любой бывалый прапорщик.

— Да ладно, — пробормотала я. — Тут дамы, между прочим.

Шокер осторожно довернул к себе моё лицо. Через кровавую пелену я видела только его светло-серые глаза.

— Зря он это сделал, — с плохо скрытой яростью сказал Шокер. — Ох, напрасно... Измордую мерзавца, когда поймаю...

— Ты поймай сначала, — буркнула я. — И освободи меня. Ключ на торпеде.

Шокер обежал машину, сел на водительское место, снял наручники, швырнул их на заднее сидение. Я с трудом вытащила из-за спины руки и стала разминать запястья.

Шокер тем временем полез за аптечкой, открыл контейнер, зашуршал чем-то.

— Что ты там возишься? Дай мне зеркало и салфетку какую-нибудь, и всё.

Шокер развернул ко мне зеркало заднего вида и сунул мне в руку смоченный перекисью кусок марли.

Увидев в зеркале свою физиономию, я поняла, что так потрясло Шокера. Крови из крошечной ранки над бровью было столько, что хоть в кино про гестапо снимайся. Марля вскоре превратилась в разбухший розовый пион.

— Ещё есть?

Через несколько секунд он дал мне свежий комок марли. Убрав с лица основной ужас, я откинулась на спинку сидения и прикрыла глаза.

— Почему ты не стрелял? — спросила я.

— Во-первых, у меня задание взять Тайлера живым. Во-вторых, жилые кварталы в любом случае не место для пальбы. Наконец, я никогда не стреляю, когда у объекта в заложниках мой человек.

— Я не твой человек.

— Сейчас — мой. И за всё, что с тобой случилось, отвечаю я.

— Что-то как-то хреново ты справляешься с этой ответственностью, — усмехнулась я. — Почему ты мне не сказал, что Тайлер — русский?

Шокер не ответил. Я открыла глаза и взглянула на него. Шокер тоже внимательно меня изучал.

— Я тебя спросила. Почему?

— А потому что его происхождение не имеет никакого значения.

— Да ну? Да он, когда узнал, что я тоже русская, сразу два и два сложил и понял, что если русские звонят в его дверь на задворках Стокгольма, то это могут быть только русские

ловцы.

— Мне интересно, а как это он узнал, что ты тоже русская? — холодно уточнил Шокер.

— Он заговорил по-русски, я ответила...

Шокер изо всех сил саданул ладонями по рулю:

— А я тебе что-то непонятное сказал, когда инструктировал?! Английский или жесты — и всё! Говорил?!

— Говорил.

Шокер пробормотал ещё несколько слов, от которых прапорщик покраснел бы ещё раз.

— И тебе того же... герой! — фыркнула я.

И до того стало тошно, что я выскочила наружу и захлопнула дверцу изо всех сил. Спотыкаясь и пошатываясь, я прошла поближе к воде, глядя в ту сторону, куда умчался Марат.

Конечно, теперь я поняла: зря я так с братом разговаривала. Он ведь в самом деле попытался сделать всё, чтобы мы с ним «остались при своих». Он хотел спастись сам и не подставить меня. И если теперь мы никогда не встретимся, на это будет хоть какой-то шанс. Только бы он и вправду не стал меня разыскивать. Не надо ему этого делать...

— Ты извини, — раздался надо мной голос Шокара. — Моя злость совершенно не в кассу. Глупо требовать с тебя так же, как я требую с моих обученных и опытных ребят...

— Ну почему же?! — я повернулась к нему. — Я же сейчас твой человек. Поэтому давай, не стесняйся.

Шокер смотрел на меня сверху вниз, и на его высоком лбу собирались горестные складки домиком.

— Да что тебе от меня надо?! — заорала я, упёрлась ладонями в его грудь и попыталась оттолкнуть от себя.

— Ты не готова участвовать в операции, — тихо, но твёрдо сказал Шокер. — У тебя незалеченные травмы. Плюс ты сейчас ещё и голову пробила. Да и нервы у тебя ни к чёрту. Самое правильное будет сделать замену.

— Ты будешь просить командора?

— Нет. Тебе стоит поговорить с ним самой.

— Не буду.

— Почему? Он просто пришлёт замену.

— Нет.

Шокер задумчиво почесал кончик носа.

— А если собрать силу воли и отбросить природное бабское упрямство? — уточнил он. — Это ведь именно оно, я прав?

Я молчала.

— Тебе стоит всего лишь с ним поговорить. Даже до нашей глухомани докатились слухи об особом отношении командора к проводнику Апрель, — с неохотой сказал Шокер.

— А о прекращении этого особого отношения до вас ничего не докатывалось? — уточнила я.

— Нет, — невозмутимо ответил он. — Ничего.

— Так вот. Раз уж я сейчас твой человек, а ты мне царь, бог и воинский начальник, то слушай. Я устала от работы проводника. Я устала от вас, гатрийцев, от ваших нелепых обычаев и тупых законов. Моему контракту остался месяц. Если я сейчас попрошу замену, то, согласно условиям, я попадаю в кабалу к курьерскому департаменту ещё на год. Это не входит в мои планы.

Шокер задумчиво почесал кончик носа:

— Понятно. А если не ты, а я потребую твоей замены?

— Аналогично.

— Почему? — удивился он. — У меня нет к тебе претензий, но ты же ранена, это достаточное основание для замены, без санкций.

— Любое сорванное задание, по любой причине, ведёт к продлению контракта на год.

— Ты что, на такие условия подписалась спяну, что ли? — покачал головой Шокер.

— Мне было шестнадцать. Я и не вчитывалась особо.

— Ну и дура, — угрюмо буркнул Шокер.

— Да уж, не умница, — согласилась я. — На это почти все малолетки с изнанки покупаются, а умнеют потом быстро, но всё равно поздно.

— Не слишком-то это честно: детей в рабство загонять, — Шокер презрительно сжал губы.

— Так не своих же детей. Кто мы? Мусор с изнанки. Особенно женщины...

Он мрачно смотрел на меня, и глубокие складки на его лбу опять начали складываться домиком.

— Всё, Шокер, я тебе своё положение объяснила. На этом минута откровений закончилась, забыли... А никаких поблажек от командора мне не будет, потому что нет больше никакого особого отношения, запомни это. Ещё раз на это намекнёшь — в глаза вцеплюсь.

Шокер нервно моргнул:

— Да, ты можешь, пожалуй. И что мне с тобой делать?

— Да ничего. Пусть мне Тайлер ещё раз голову размозжит, поделом.

Шокер вздохнул:

— Всё это замечательно. Только мне нужен работоспособный проводник. Я всё равно скоро возьму Тайлера, и мне понадобится отправить его на поверхность.

— Отправлю я тебе его на поверхность, что ты переживаешь?! — выкрикнула я. — Взятась — значит, отправлю!

Я резко отвернулась от Шокера, и меня мотнуло. Он поддержал меня за локти, я вырвалась.

— Да дай ты волю своей истерике, — раздражённо сказал Шокер. — Я это как-нибудь переживу, но тебе надо что-то с этим сделать. В таком состоянии ты мне не нужна. Мне нужен адекватный человек. Пусть неосторожный и неопытный, но вменяемый.

Я молча смотрела на синюю гладь озера Мелларен.

Руки Шокера вдруг обхватили меня за плечи, он крепко прижал меня к себе и, покачиваясь вместе со мной из стороны в сторону, заговорил нараспев:

— Куда идём мы с Пятачком? Большой-большой секрет...

— Что?.. — я задохнулась в его руках. — Что?! Сволочь... Какая же ты сволочь!

— Тс-с-с-с... Тихо... — он наклонился и зашептал прямо мне в ухо. — ... И не расскажем мы о нём, о, нет, и нет, и нет...

Как когда-то маленькая девочка горько плакала от страха и боли, заблудившись в тошнотворном пограничном слое, так и я теперь рыдала в голос, только совершенно непонятно, отчего. То ли от обиды на Шокера и его обман, то ли от одиночества, от того, что брат опять исчез, едва появившись. А, скорее всего, от безысходности. Никакого выхода из всего этого не было...

Шокер мурлыкал песенку по кругу, как заевшая пластинка, и терпеливо ждал, когда я успокоюсь.

— Да замолчи же ты! — взмолилась я, наконец.

Он примолк и перестал меня раскачивать.

— Зачем... Зачем тебе понадобилось меня морочить?

Он промолчал.

Я провернулась в его руках и, задрав голову, посмотрела ему в глаза:

— А шрам?

— Мне его свели давным-давно. У ловца не должно быть особых примет.

— Ты ведь не гатриец.

— Я гатриец, — устало возразил он.

— Нет. Гатрийцы попадают сюда уже взрослыми. Даже если они смотрят наши мультики, они не помнят песенок. Им ни к чему. Ты не гатриец, Шокер.

— Давай договоримся, Апрель... — он тяжело вздохнул. — Всё, что с нами было десять лет назад и сегодня — это большой-большой секрет. Наш секрет.

— Иначе тебе придётся меня убить?

— Мне бы не хотелось, — серьёзно сказал он, продолжая меня обнимать.

— Ладно, Шокер, — согласилась я. — Это наш секрет.

— Пойдём, я отвезу тебя на Престгатан. Тебе надо полежать, — он разжал руки, повернулся и пошёл к машине.

Не знаю, что там наговорил Шокер, но ребята крутились вокруг меня так, что мне было до мурашек неловко. Даже Лали, недоверчиво поблёскивая бирюзовым глазом сквозь свою чёлку-жалюзи, несколько раз за день приносила мне чашку с горячим чаем и сухие сладковатые крекеры.

Чай я выпивала, а крекеры съедал Скай. Этот парень тащил в рот всё, что не приколочено, а дай ему волю, и приколоченное бы отодрал, лишь бы в рот пролезло. Весь вечер он просидел со мной, и что-то всё время рассказывал, рассказывал, и только спустя несколько часов заметил, что я его практически не слушаю.

Пришлось отвиться, что, наверняка, треснувшись головой, сотрясение заработала, и поэтому голова болит, а я слегка в неадеквате. Жалостливый Скай расстроился.

Меня мучили вопросы, и их надо было кому-нибудь задать.

— Скай, а что за Тайлером числится? Какие прегрешения?

— Понятия не имею, — отмахнулся Скай. — Ты представляешь, сколько объектов через нас проходит? Если я буду изучать биографии всех преступников, мне некогда будет их ловить.

— То есть, тебе не интересно?

Скай немного подумал над вопросом и честно ответил:

— Нет, не интересно. И совершенно не хочется знать. Иногда, конечно, поневоле что-то услышишь или прочтёшь. Страшно бывает. Очень страшно, что люди такое сотворить могут. Не всякие нервы выдержат такую информацию. Поэтому мне не интересно.

— Но они ведь точно преступники?

— Стопроцентно, — кивнул Скай.

— А Лис? Лису интересно?

— Лис, конечно, любит всякую дрянь в голову брать, но насчёт этого вряд ли.

— А Шокер?

— Ну! Шокер! — Скай воздел глаза к небу. — Этот всё знает.

Когда Скай, наконец, оставил свой пост подле меня и ушёл спать, я встала и пошла к Шокеру. Памятуя о вчерашнем конфузе, я постучала, чуть приоткрыла дверь и, увидев спину сидящего за компьютером Шокера, спросила в щёлочку:

— Можно к тебе?

— Заходи, — разрешил Шокер, не оборачиваясь.

Я подошла к его столу.

С очками на носу Шокер казался замшелым ботаником. Уставившись в экран, он медленно прокручивал какие-то таблицы и схемы.

— Между делом на Форекс поигрываешь?

— Что-то вроде того, — Шокер снял очки, крепко зажмурился и сжал переносицу двумя пальцами. — Пора заканчивать на сегодня, устал... Что ты хотела?

— Вопрос есть.

Шокер указал мне на свободное пластиковое кресло. Я села. Он кинул очки на стол перед собой, откинулся на спинку и сложил руки на груди:

— Я слушаю.

— Тайлер. Почему вы его ловите?

— Потому что получили официальное задание департамента.

— Я не об этом. Что он совершил? За что его хотят привлечь?

Шокер поёрзал в кресле, словно ему стало вдруг неудобно, поморщился, выгибая спину, потом устало и как-то даже обречённо посмотрел на меня:

— А тебе зачем это?

— Хочу знать.

— Ты что, впервые работаешь с ловцами?

— Нет, не впервые.

— Ну тогда ты должна понимать, что мы не можем вникать в детали каждого дела.

— Я понимаю. Я знаю, что ребята голову себе не забивают. Но ты...

— А у меня голова, по-твоему, резиновая что ли? — проворчал Шокер.

— Тебе по должности положено знать больше. И ты знаешь. У тебя есть ориентировки, сводки, всякая информация по каждому человеку, за которым вы охотитесь...

Шокер смотрел на меня с неожиданной грустью.

— Да, это всё есть. Только не у меня, а у Лали, в файлах. И я не заучиваю их содержимое наизусть.

— Я тебя не спрашиваю о том, кого вы ловили пять лет назад в дождливом сентябре. Я говорю о человеке, который у вас в разработке сейчас! И не говори, что не помнишь! Лучше уж скажи правду, почему не хочешь просто ответить на мой вопрос!

Шокер тяжело вздохнул и с шумом выдохнул. Потом расцепил скрещённые на груди руки и звонко хлопнул себя по бёдрам:

— Хорошо! Пожалуй, последнее будет и в самом деле правильно. Я тебе скажу, почему не хочу отвечать на твой вопрос, — он посмотрел в мои глаза и твёрдо сказал. — Я не допускаю никакой личной вовлечённости моих людей в судьбу наших объектов. Это ни к чему хорошему обычно не приводит. Поэтому я никогда не даю моим людям никакой информации, кроме той, которая нужна для поимки объекта. Так понятно?

— Понятно. Но я не твой человек!

— Мы уже это обсудили утром. Сейчас — мой. А учитывая, что ты, пусть и ненадолго, побывала у Тайлера в руках, я тем более не имею право ничего тебе говорить.

— Почему это?

— Есть такое психическое состояние... Оно по иронии судьбы носит имя этого славного города, — усмехнулся Шокер. — И твой ночной визит с вопросом о Тайлере наводит меня на мысль, что вдобавок к синякам и рассечённой брови ты и стокгольмский синдром себе уже заработала...

— Ерунда какая!

Он развёл руками:

— Я тебе объясняю, как это выглядит со стороны объективного наблюдателя.

— Это ты — объективный наблюдатель?

— Стараюсь им быть, — пожал плечами Шокер.

— Хорошо. Тогда вылечи поскорее мой синдром. Напугай меня, расскажи о Тайлере самую страшную правду, чтобы у меня даже в мыслях не было ему сочувствовать...

— Иди спать, Апрель! — отрезал Шокер.

— Тебе что, совершенно безразлично, в чём виновны те люди, за которыми ты гоняешься? И виновны ли они вообще?

— Я уверен, что виновны. В мои обязанности не входит ни устанавливать их вину, ни

опровергать её, — устало сообщил Шокер. — Над этим долго и успешно работали другие люди, и у меня нет никакого основания и никакого права подвергать сомнению их профессионализм и компетентность. Я не делаю и не перепроверяю чужую работу. Я делаю свою. И ты сюда прислана, чтобы помочь мне делать мою работу, а не мотать мне нервы всяким вздором!.. Я тебя с твоими претензиями не посылаю лесом только по старой доброй памяти. Всё, отправляйся спать немедленно!

Его осунувшееся лицо стало злым и раздражённым. Чувствовалось, что послать меня лесом ему просто физически необходимо, но он сдерживается, как истинный аристократ.

— Так что там самого ужасного сделал Тайлер? — попробовала я ещё один заход. — Он убивал беременных? Насиловал детей? Осуществил теракт? Подмешал яд в водопровод мегаполиса? Может быть, ещё что-то более ужасное? Что?

Шокер сжал кулаки. Я понимала прекрасно, что он меня не ударит, не посмеет. Но всё равно стало не по себе.

Он немного помолчал, глядя в стол, потом привстал, прихватив с собой кресло, шагнул вместе с ним в мою сторону и опустился так близко, что смог взять меня за руку. Моя ладонь оказалась в его огромной ручище.

— Послушай меня, Апрель... Просто послушай, — сказал он задумчиво, пожимая слегка мои пальцы. — Я сегодня нарушил всё, что можно. Начиная от жёстких правил, которым должен следовать профессиональный ловец, и заканчивая моими личными принципами. Я уверен, что это ещё дорого мне обойдётся, ничего не поделаешь, буду к этому готов. Но за мои ошибки не должен платить никто другой. Я обязан защитить своих ребят от любых неожиданностей, и я должен сделать всё, чтобы ты уцелела. И пока мы не закончили операцию, ты подчиняешься мне, а я решаю, какую информацию до тебя доводить, когда и каким способом. По той простой причине, что мне виднее. Потому что я выше по положению, и я тут за всё отвечаю.

— Шокер, я не принцесса на горошине. Я на службе. Я наёмница. Я деньги за это получаю, и немаленькие. Именно за то, что подвергаюсь опасности. И дались тебе мои синяки, они не первые и не последние! Я готова работать. Ты даже не представляешь, в каких условиях и в каком состоянии мне доводилось летать через слои! Мне твоя опека больше не нужна!

Он ещё крепче сжал мою ладонь.

— Я не для того вытаскивал тебя десять лет назад, чтобы сгубить сейчас, — заметил он.

— Слушай, я очень рада, что тогда это был действительно ты, а то я думала, у меня шизофрения развивается. Но я теперь прекрасно обхожусь без посторонней помощи.

— Это замечательно, — усмехнулся он. Его пальцы защекотали мою ладонь, поглаживая. — Знаешь, а я часто думал о тебе все эти десять лет...

— Ой, да ладно, — смешок, который я выдала, получился совсем нервическим. — Думал он десять лет! Да ты и не узнал меня, когда увидел, не сочиняя.

— Узнал. Сразу же. Ты почти не изменилась. Не выросла, не повзрослела... — улыбнулся он, на мгновение превращаясь в того мальчишку. — Не надо судить по моей реакции. Я умею, очень хорошо умею притворяться. Это часть моей работы... И скрывать прошлое — это тоже часть работы.

Я попыталась вытащить руку, но он удержал её и накрыл второй ладонью. И чёрт бы его побрал, этого Шокера, но до чего ж у него оказались красивые руки...

— А сказки рассказывать доверчивым девушкам — тоже часть работы? — раздражённо

уточнила я. — Шокер, мне что-то не смешно. Вы тут чокнутые все до одного, и ты, похоже, не в последнюю очередь... Можно, я спать пойду?

Он выпустил мою руку и выпрямился в кресле:

— Разумеется, Апрель! Не смею задерживать.

Я встала.

Шокер больше не смотрел на меня, снова передвинулся вместе с креслом на прежнее место, надел очки, взял мышку и снова уткнулся в компьютер.

Похоже, обиделся. Ну что ж поделать. Его работа — притворяться, а моя — говорить, что думаю. Наплевать, пусть аристократия обижается. Всё равно, это уже не тот добрый, весёлый и надёжный парень, который не дал мне умереть тогда. Вот того бы я не посмела обидеть, ни за что на свете.

Шокер рывками прокручивал информацию на экране, но лицо его оставалось каменным, а глаза неподвижными, и я была готова поклясться, что текста, в который он так внимательно вглядывался, он просто-напросто не видел. И не удивительно, он был уже еле живой, намаялся.

— Вижу, как я тебя достала, — сказала я как можно мягче. — Но мне нужно было попытаться это всё узнать. Я не думала, что это такая неразрешимая проблема... Ну, нет так нет.

Шокер взглянул на меня поверх очков. Серьёзно так.

— Ладно, иди спать. Очень поздно, — сказал он со вздохом.

— Прости меня, Винни...

Он аж рот открыл, и ресницами хлоп-хлоп.

— Знаю, что большой секрет, — я понизила голос до шёпота. — Но ведь не слышит никто.

Шокер сдёрнул очки и отбросил от себя, прижал к глазам ладони, потёр.

— Да, не слышит, — пробормотал он, не глядя на меня. — Спокойной ночи, Пятачок... Иди, пожалуйста, всё. Я выдохся.

Я вернулась в свою комнатку, сняла обувь, забралась на диван под тёплый плед, погасила настольную лампу на тумбочке. Надо попытаться уснуть. Ну или хотя бы подремать.

Я уже провалилась в какое-то забытьё, как дверь отворилась, и в дверях возник патлатый силуэт Лали.

— Апрель, ты спишь?

— Нет ещё, — я протянула руку и включила лампу снова.

У Лали на шее висели большие беспроводные наушники, в одной руке она держала маленький пульт неизвестно от чего, а в другой — листок офисной бумаги с текстом.

— Шокер велел для тебя распечатать, — она протянула листок.

— Спасибо.

Я подтащила подушку и приняла сидячее положение, собираясь читать.

— Тебе ещё чаю заварить? — спросила Лали.

— Что? Нет, не надо. Мне уже намного лучше, если что, я сама.

— А, хорошо, — кивнула Лали и надела наушники.

— Спасибо за всё, — сказала я, кутаясь в плед, и Лали снова сняла наушники:

— Что ты говоришь?

— Просто благодарю, за заботу. Спасибо.

— А «спасибом» не отделаешься, — серьёзно произнесла она вдруг и прищурилась.

— Ты о чём?

— Он — мой! Ясно? — чётко сказала Лали, даже безо всякого акцента.

— Кто?

Она усмехнулась:

— Ты поняла. Он — мой.

И тут мне стало смешно, что я совсем недавно жалела эту идиотку. Прав Лис — совершенно точно без мозгов. Ну а с озабоченными говорить надо только на их языке, иначе не дойдёт.

— Да на что он мне сдался, твой Шокер, — вздохнула я. — Я такими приключениями давно не балуюсь. Ты слыхала, какой крутой нрав у командора Йана? Если я только гляну куда на сторону, Йан мне голову откусит.

Она опустила глаза. Задумалась. Уже хорошо, может, и полегчает ей.

— Ладно, всё, мне работать надо, — буркнула она, натянула обратно свои наушники и исчезла за дверью.

Я уставилась в листочек.

Это была выписка из общей ориентировки департамента на бывшего наёмника Тайлера. Никаких подробностей, только сухие факты, выводы и общие фразы.

Родился на изнанке, взят на обучение в восемнадцать лет, успешно закончил курьерские курсы. Индекс базового потенциала — одиннадцать... Круто, бро. У него с детства вся электроника в руках «горела» ещё быстрее, чем у меня, даже часы он всегда носил только механические, иначе было никак. Мне в своё время насчитали всего девять баллов. Правда, очень потом удивились, когда по факту индекс быстро добрался до двенадцати, то есть до упора.

У Марата с такими данными были все возможности начать серьёзную карьеру и занять максимально высокую ступень, доступную на поверхности для наёмников с изнанки. Судя по бумажке, он так и сделал. Заключил контракт на пять лет. Как и я, и, скорее всего, на таких же кабальных условиях. Мои пять лет со штрафными за ошибки, сбои и провалы превратились в десять. А наёмник Тайлер всего черед два года работы курьер-проводником фактически дезертировал. Прекратил исполнять обязанности и исчез из поля зрения департамента. Таких обычно искали, но если дезертир просто пропадал и ложился на дно, искали не слишком усердно, чтобы не потратить на то усилий больше, чем того требует здравый смысл. Попадётся под руку — примерно накажут, не попадётся — его счастье. Другое дело, если дезертир начинал проявлять нежелательную активность на стороне. Вот тогда усилий не жалели.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я читала ориентировку и глазам не верила. Прекратив исполнять контракт, бывший наёмник Тайлер начал работать на себя. Нелегальное проникновение в официальные каналы, несанкционированная транспортировка грузов и людей... Контрабандистов департамент не жаловал, это да. Но их обычно отлавливали обыкновенные охранники каналов. Передать дело автономным ловцам могли только в случае очень серьёзном. И в бумажке значились прочие преступления Тайлера: нападение на представителей властей, вооружённое сопротивление, захват и убийство заложников, попытки разрушить действующие каналы, содействие заговорщикам, виновным в государственной измене.

Какой шикарный букет из пиратских выходов, преступлений против личности и активной враждебности гатрийскому государству. Когда только Марат всё это успевает...

Чёрт бы тебя взял, бро... Если хотя бы половина из этого — правда или почти правда, то ты покойник. Гатрийская машина тебя дожмёт. Если за дело взялся Шокер, рано или поздно это произойдёт.

* * *

На Дроттнинггатан народу всегда пруд пруди. Нет, ну, ночью и утром ранним, конечно, пусто. Но в остальное время толпы туристов снуют туда-сюда, вдоль-поперёк и по диагонали. Это место для тех, кого ничего конкретно не интересует, и всякой исторической чушью они грузиться не собираются, но хотят, чтобы им сделали прикольно. Например, продали яркий китайский магнитик или шлем с рогами, тогда будет хоть, что вспомнить. Я не очень люблю Дроттнинггатан именно из-за того, чтолюдно, да и сувениры в основном негодные, убогие. Я их хоть и не покупаю никогда — поставить некуда — но поглазеть люблю, а здесь и поглазеть особо не на что. Хотя есть тут, конечно, и стоящие заведения, но о них надо знать. Например, лавочки, где можно купить отличный шоколад на развес. Настолько отличный, что подозрительно похож на гатрийский, так и думаешь, уж не контрабанда ли с поверхности.

Но под вечер на Дроттнинггатан бывает интересно даже мне. Часов с пяти сюда стягиваются творческие люди. Уличные музыканты, мимы, всякие ряженные устраивают любопытные выступления, на которые можно поглазеть даром.

Напротив легендарного музыкального магазина «Бенганс» удалые джазмены неплохо отжигали, народ охотно останавливался, некоторые даже бросали монеты в жестянку из-под печенья. Но судя по довольным лицам музыкантов, работали они не для заработка, а из чистого удовольствия.

Мне, в общем-то, было не до перфомансов, голова занята совсем другим. Но нужно было сменить обстановку. Ребят, вроде бы, упрекнуть не в чем, но что вместе, что по отдельности, они начали меня раздражать. Помучившись полдня в квартире, я заявила Шокеру, что, если я им пока не нужна, я иду проветриться и погулять по любимым местечкам. Он подтвердил, что сегодня я им точно не понадобится, и я вышла в город.

Я постояла около «Бенганса» минут десять, послушала. Поймала себя на том, что начинаю притоптывать ногой под рванный ритм.

— А ничего так музыка, да? — раздалось позади меня.

Я резко обернулась.

Это был Марат. В кошмарных розовых брюках, расстёгнутой клетчатой рубашке и тесноватой хипстерской шляпе. Он смотрел на меня поверх тёмных очков и старательно, не закрывая рот, чавкал жевательной резинкой.

— Зачем ты?... За мной могут следить.

— Могут, — кивнул он. — Но я проверил: за тобой никто не пошёл.

— Ты же знаешь, какие у них технические возможности...

— Мухи-дроны? — хохотнул он.

— Всё может быть.

— Да, верно, — посерьёзней Марек. — Следить могут, гарантии нет.

— Тогда зачем ты пришёл?

— Хотел убедиться, что с тобой всё в порядке.

— А что, у тебя были сомнения? Я вчера была похожа на человека при смерти?

Марат широко улыбнулся и покачал головой:

— Да тебя палкой не убьёшь.

— Палкой? Палкой, пожалуй, нет... Мы будем тут стоять?

— Лучше бы отчалить куда-то, — Марат покрутился и махнул рукой. — Пойдём на Страндвеген.

Я повернула за ним. Мы, не спеша, пошли по тихому переулку, ведущему от Дроттнинггатан в сторону Кунгстредгорден — Королевского огорода.

— Зря ты, Марек... Зря пришёл. Это опасно. Шокер не даром свою репутацию заимел.

— Ну, будем надеяться, что моя глупость не обойдётся мне слишком дорого, — беспечно отмахнулся брат.

— Ты дурак, что ли? — возмутилась я. — Такой спектакль давеча устроил, чтобы ноги унести, а сейчас что вдруг за расслабон?

— Да цыц ты, что орёшь? — Марат властно притянул меня к себе и пошёл ещё медленнее.

Мы брели в обнимку, как влюблённая парочка. Никогда в жизни... в прошлой жизни... Марек не позволял себе никакой братской нежности. Подножку или тычок под рёбра — это всегда пожалуйста. Но чтобы вот так, это что-то новое.

— Марек, ты зачем меня обнимаешь?

Он покосился на меня, чавкнул жвачкой и отвернулся.

— Чтобы в случае чего проще было мной прикрыться, да? — предположила я.

— А ты прикольная, — сказал он после короткой паузы. Потом помолчал ещё и добавил с усмешкой. — Досталось тебе, как я посмотрю...

— В смысле?

— Предавали тебя часто.

— С чего ты взял? — удивилась я.

— С того, что ты сразу про «прикрыться». А почему не «прикрыть»?

В самом деле, почему?

— Марат, я тебя не знаю!.. Я тебя полжизни своей не видела!

— И я тебя не знаю. Но я же пришёл. Хотя большей своей глупости, пожалуй, и не припомню, — горько усмехнулся он. — Что ты так напрягаешься на мой счёт? Неужели я таким гадом был?

— Ну не «таким», возможно. Но гадом, — засмеялась я.

— Да и ты, знаешь, не подарочек, — кивнул он.

— Это всё правда, что о тебе говорят?

— А что говорят?

— То, в чём тебя обвиняют — это правда?

— Может быть.

— Как это? Ты не уверен?

Марат мотнул головой:

— Кира, я не знаю всего, что там обо мне говорят. Болтать — не мешки ворочать.

— Марек, то, что я успела узнать, это очень серьёзно.

Он пробормотал что-то невнятное и только крепче стиснул меня.

— Марек, мне нужно понимать, что происходит.

— Зачем? — усмехнулся он. — Допустим, я подтверждаю, что всё это правда. И что,

тебе теперь станет легче выполнить свой служебный долг?

Я ничего не ответила.

— Я многократно нарушил уголовные кодексы и на поверхности, и на изнанке, а также практически все заповеди, посланные свыше туда и сюда, — проговорил Марат. — Поэтому сейчас на меня очень легко списать и всё остальное, что не даёт покоя человечеству. В том числе поджог Рейхстага, убийство Кеннеди и Чернобыльскую катастрофу. Но ты не обязана в этом разбираться. У тебя есть сторона, которую ты выбрала. Да, она мне не по нутру, но что поделать. Я сделал всё, чтобы тебя не подставить. Если ты не намереваешься сдать меня своему блестящему командиру прямо сейчас, я как-нибудь выберусь из капкана и на этот раз. И Шокер за мной ещё побеждает.

— Но когда-нибудь...

— Когда-нибудь он меня сцапает, — уверенно сказал Марат. — Ты переправишь меня на поверхность, они устроят показательное судилище, спишут на меня всё, что вспомнят. И приговорят к смерти.

— Тогда почему ты всё ещё здесь? Почему не уехал?

— Надо кое-что доделать. Именно здесь, в Стоке.

Мы уже вышли почти к самой площади Кунгстредгорден, когда я заметила впереди высокого мужчину в длинном плаще, который подпирал стену и вроде бы совершенно не смотрел в нашу сторону. Я узнала Лиса и замерла на месте.

— Что? — хладнокровно уточнил Марат.

— Они нас выследили.

— Скольких ты видишь?

— Пока одного... Уходи, Марек. Быстро. Ты ведь хорошо знаешь город. Уходи.

— Посмотри внимательно по сторонам. Вдруг заметишь ещё кого-нибудь.

Я покрутила головой, вгляделась в немногочисленных прохожих, задержалась взглядом на подъездах, арках, карнизах и окнах.

— Никого не вижу.

— Возможно, просто совпадение, что парень Шокера оказался здесь. Не дёргайся, — спокойно сказал Марат, не отпуская меня. — Я хорошо знаю эту часть города. Все проходные дворы, подвалы и чердаки...

Он сделал несколько шагов к ближайшему подъезду.

— Как ты насчёт небольшой пробежки?

Марек открыл дверь подъезда и бросился внутрь. Я метнулась за ним.

Я бежала за братом, стараясь не отстать. Когда только успел он настолько хорошо изучить все ходы и закоулки... Какой-то двор мы обошли через подвалы, потом ещё пробежались насквозь по проходным подворотням какого-то отеля, а потом Марек нырнул в неприметную низкую дверь и помчался вверх по узкой, запылённой лестнице. Когда я выбралась вслед за ним в разорённую мансарду, он уже стоял, почти отдышавшись.

— Ты... — начала я, но Марек метнулся, одной рукой зажал мне рот, а другую приложил к своим губам.

Я кивнула, что, поняла, мол, молчу в тряпочку.

Марек принялся тщательно осматривать мою одежду, прощупывать мою джинсовую куртку, отвороты, воротник, планку застёжки. Наконец, он выудил из уголка воротника нечто, напоминающее портновскую булавку, у которой головка с большую бесформенную горошину. Бросив свою находку на пол, Марат старательно растоптал её.

— Вот теперь можно и говорить, — хмуро сказал он, поворачиваясь ко мне.

— Я не... — начала я и задохнулась.

— Знаю. Ты не в курсе. Ничего, тебе и не полагается. А я сразу понял, что если на тебе жучок, то это жучок голосовой. Они ведь не следом по маячку шли, а ждали там, куда я сказал вслух, что мы с тобой пойдём. А такой жучок, чтобы хорошо слышно было, в идеале должен быть только где-то здесь... — он покрутил пальцами у груди. — Пока куртка твоя лежала или висела без присмотра, они тебе и нацепили. Молодцы, чо...

— Марек, уходи, пожалуйста, — пролепетала я, задыхаясь. — Не знаю, как это у них получается... но они скоро нас найдут... и без этого жучка...

— Как это у них получается? Да обычно, по стандартному чипу. Я свой глушить научился, хотя бы на время, поэтому вот сейчас они уже не меня, а тебя, наверняка, ведут...

— Чип глушить?... Ну ты даёшь, Марек...

— Никудышная из тебя спортсменка, — скривился брат. — Чуть побегали, а ты совсем спеклась.

— Да не, я обычно очень даже... ничего, — прошептала я, пытаюсь всё-таки набрать воздух в лёгкие. — Это меня разрушенный канал подпортил...

— Что?! — Марек цапнул меня за плечи, развернул к себе. — Дура!!! Кирюха, ты спятила? Ты почему не сказала мне?!

— Когда говорить-то было? Да и с какой стати?

— Дура, — в отчаянии повторил Марек. — Ты же синяя вся...

Он подставил мне плечо и обхватил, поддерживая.

— Дыши! Только медленно. Успокойся и дыши.

Я попыталась сделать вдох и почувствовала, как лёгкие наполняются тяжестью. В глазах потемнело. Марек несильно, но резко ударил меня по спине. Я закашлялась, и изо рта полилась на пол густая черная струйка. У меня подкосились ноги, я стала падать, и Марек опустил вместе со мной, подставляя руку и давая мне бессильно повиснуть на ней.

— Дыши, дыши! Не ленись!

Я откашливала густую темную кровь, но легче не становилось.

— Кирюха, какая же ты дура... — в голосе брата мне чудилось раздражение, чуть ли не ярость. — Что же ты творишь... Где твой телефон? Звони своим кодом, вызывай помощь.

Я с трудом подняла голову, Марек посмотрел мне в лицо и вздрогнул:

— Мда... Куда уж тут звонить...

Я стала заваливаться на бок, Марек поймал меня, усадил, прислонил к пыльной стене, а сам встал на ноги.

— Постарайся не падать, — бросил он мне сверху.

Старайся, не старайся, сознание путалось, в глазах темнело, я даже не могла понять, открыты они у меня или закрыты.

А вот слух по-прежнему не подводил. Я услышала приглушённый зуммер: это Марек кому-то звонил по своему телефону.

— Нарратор, код двадцать два двенадцать, — произнёс он на гатри. — Нужна помощь. Здесь курьер с лёгочным кровотечением... Да, последствия повреждённого канала... Внутренний двор между Якобсгатан и Густав-Адольфс-торг, в мансарде. Лучше пеленг сделайте, пока даю сигнал... Не знаю имени! Хорошо, запишите на меня, только быстрее пришлите помощь. Дело плохо...

Потом Марек, видимо, подсел ко мне, его голос зазвучал совсем рядом, прямо в ухо.

— Сейчас помощь придёт. Они молодцы, обычно быстро прибегают... Держись, Кирюша. Всё будет в порядке.

Я протянула руку на голос, Марек поймал её, осторожно пожал и положил мне на колени.

— Не шевелись, систер. Старайся дышать, но не суетись, пожалуйста.

Захват и убийство заложников... Этого не может быть. Не может. Если бы ещё несколько дней назад мне сказали бы, что брат, которого я не видела двенадцать лет, стал безжалостным убийцей, я бы расстроилась, но сказала бы, пожалуй, что да, наверное, так могло случиться, как это ни печально. Ведь бывает, что люди ломаются, а потом начинают ломать и всё вокруг себя. Почему бы этому, как на грех, не приключиться именно с моим братом... Но тот Марат, которого я сейчас знала, ничего подобного совершить не мог. Сейчас я готова была кричать о том, что этого не может быть, просто потому что не может быть никогда.

— Марек, уходи... Я их дождусь и одна.

— Молчи! Ишь, разговорилась... Есть ещё минутка, — вздохнул он. — А потом да, надо бежать, пока за задницу не сцапали.

Он встал, вышел из мансарды на лестницу, постоял там несколько секунд и вернулся ко мне.

— Кто-то идёт. Может, бригада, а может и Шокер со своими... Ни с теми, ни с другими мне встречаться нельзя.

Я всё-таки протянула руку и вслепую вцепилась в его локоть.

— Если с тобой будет всё хорошо, я не появлюсь, уж извини... — проговорил Марат. — А если они до тебя докапываться станут, я тебя вытащу, обязательно. Ты слышишь, систер? Если что, я приду.

Он оторвал мои пальцы от своего локтя и снова осторожно положил мою руку мне на колени.

— Мне пора, Кирюша... Только живи, систер, договорились? Так надо... Даже если не увидимся больше, знай, что я есть.

Он пошёл не на лестницу, а в другую сторону. Я долго слышала его шаги, потом скрип оконной рамы. Видимо, Марат вылез через окно на крышу.

Первыми подросли ребята из гатрийской службы специальной помощи. Служба такая есть на изнанке далеко не везде, но в значимых городах — обязательно, иногда даже и не по одной бригаде. Связь через диспетчера всегда срабатывает быстро.

Когда я услышала вокруг себя суету, почувствовала, как на мне задирают одежду, располагают датчики, я просто расслабилась и попыталась отключиться, не заострять внимание ни на чём. Они знают, что делают, у них отличная медицинская техника. Сейчас сразу и диагностика, и вся необходимая помощь.

Работали профессионалы. Я даже интубацию почти не почувствовала. Лёгкие прочистили очень быстро, и, когда трубки удалили, я задышала свободно и глубоко. И в глазах сразу же посветлело.

Я увидела вокруг себя компанию из трёх молодых парней в форме городской коммунальной службы Стокгольма. Они помогли мне поправить одежду и сесть. И тогда у противоположной стены я увидела ещё одну троицу. Шокер подпирал стену, Скай и Лис сидели на полу и тихонько переговаривались.

Когда Шокер увидел, что я уже смотрю на него вполне осмысленно, он подошёл к

ребятам из спецпомощи.

— Ну, как тут дела?

— Привет, Шокер, давно не виделись, — один из медиков хлопнул Шокера по плечу, как старого знакомого. — Да порядок тут, ничего страшного. Сначала подумали на свежий разрыв сосуда, тогда дело было бы плохо. А оказалось, довольно старая гематома прорвалась. Вычистили и всё. Если девушка на голове ходить не будет, то мы ей больше не понадобится, — парень кивнул на меня. — Твой кадр?

— Угу, — задумчиво подтвердил Шокер. — Мой.

— Плохо приглядываешь за людьми, Шокер. Ей так, если по делу, ещё бы месяц, не меньше, цветочки по садикам нюхать, а не с твоими орлами по крышам бегать. У неё гематом по всему телу ещё хватает. Правда, инфильтраций больше быть не должно.

— Я понял, учту, — вздохнул Шокер. — Спасибо, ребята... Надо что-то оформить?

— Нет. Диспетчер сказал, вызывающий взял все формальности на себя.

Троица из спецпомощи удалилась, прихватив свои фирменные чемоданы с оборудованием.

Шокер постоял немного, поизучал меня с высоты своего роста, потом повернулся к ребятам:

— Идите-ка делом займитесь. Мы вернёмся чуть позже.

— Ты уверен, что мы не понадобится? — переспросил Лис.

— Уверен. Давайте, вперёд!

Скай и Лис повиновались.

А Шокер сел на пол, напротив меня, привалившись к противоположной стене и вздохнул:

— Всё пошло не так, да?

— Совсем не так.

Я огляделась вокруг, посмотрела на подсыхающие кровавые лужицы в метре от себя, на перепачканную чёрт знает в чём одежду и только головой покачала.

— Ничего, обратно поедem на машине, ты своим видом не успеешь никого напугать.

— Мне сейчас совершенно всё равно, Шокер.

— Ты не спрашиваешь, где Тайлер.

— А что спрашивать? Вы ведь все трое были тут. Значит, он опять от вас удрал.

В кармане моей куртки затрещал телефон. Я сразу узнала мелодию, и с трудом заставила себя ответить.

— Здравствуй! — бодро проговорил командор.

— Здравствуй, Йан, — вздохнула я.

Шокер напротив пошевелился, взглянул, можно сказать, с любопытством.

Делать было нечего, пришлось разговаривать под неусыпным контролем.

— Как твои дела? — спросил Йан.

— Нормально.

— Как здоровье?

— Нормально.

— Как тебе группа?

— Нормально.

— У тебя, кроме «нормально», есть какое-нибудь слово запасное?

— Нету, — буркнула я.

— Ну а Шокер как? Сработались?

— Шокер как Шокер. Я ждала чего-то такого... А оказался обыкновенный зануда.

Шокер покачал головой и усмехнулся.

— Слушай, меня тут терзает один вопрос, с утра мучает, — сказал командор. — Вот как лучше стены в спальне отделать? Однотонной краской или обоями?

— Что?! — я ушам своим не поверила. — Ты нашёл, кого и когда спрашивать! Жену свою спроси!

— Она-то тут причём? Я не ей, я тебе спальню хочу приготовить. В доме на набережной. Там эркер на юго-восток, солнце будет с утра и до полудня. Чудесная светлая комната... Может, просто нежно-голубой краской? Или тебе голубая не нравится? Или обои в цветочек будут лучше смотреться?..

— Йан, по-моему, ты здорово выпил...

— Нет, ещё только собираюсь. Ну, скажи же что-нибудь дельное!

— Дельное?! — меня не на шутку затрясло. — Я тут, между прочим, работаю! У меня проблемы, большие проблемы! Мне тебя ещё не хватало! Какие на хрен собачий обои?! Какая краска?!!

— О! Ну наконец-то... — проворчал командор. — Заорала. Живая, значит. А то в последний раз я будто с зомби разговаривал.

— Йан, на каком ещё языке тебе повторить? Я не буду жить в том доме, ни с тобой, ни одна! Я не буду больше с тобой спать! Мне не нужен мужчина, которого я должна с кем-то делить!

— Я помню, что ты говорила. Но никто так часто не меняет решения, как женщина, — засмеялся Йан. — Мне нужно, чтобы всё было готово к тому моменту, когда ты передумаешь.

Очень хотелось швырнуть телефон. О стенку, об пол, а ещё бы лучше самому командору в физиономию.

— Йан, ты что там... головой ударился?!

— Да нет, я в порядке. А ты давай, ори, не стесняйся, это так заводит... А что там за проблемы у тебя? Скажи, в чём дело, я всё решу.

— Нет, Йан. Не в этот раз. Это я могу решить только сама.

— Если не сможешь, дай мне знать. Я всю неделю буду на изнанке.

— Оставь меня в покое, пожалуйста!

— Ну уж нет, — решительно сказал он. — Я контролирую своих подчинённых, когда хочу. Когда считаю нужным. Ясно?

— Да, командор.

Я оборвала разговор, зажала телефон в кулаке, уткнулась лицом в согнутую руку, чтобы успокоиться.

Шокер зашевелился, его шаги прошуршали и замерли рядом со мной.

— Послушай-ка одного зануду, — сказал он осторожно. — Всё образуется. Если ты не наделаешь ещё больших глупостей.

— А давай без советов, пожалуйста! — огрызнулась я.

Шокер присел на корточки, а потом уселся прямо в пыль рядом со мной.

— Кое-чего я до сих пор не знаю. Ничего, кстати, не хочешь мне объяснить? — спросил он очень спокойно. — То, что командор так просто тебя не отпустит, это не самая большая твоя проблема сейчас. Если ты не убедишь меня в том, что я вчера и сегодня как-то неправильно тебя понял, мне придётся написать рапорт о том, что ты перешла на другую

сторону. И это будет для тебя уже не просто продление контракта, а много лет беспросветной работы в тяжёлых условиях тюремного заключения.

— Стращаешь? — засмеялась я.

— Я тебе рассказываю, как нам полагается поступать в таких ситуациях.

— Мне всё равно.

— Я знаю, что нет. Ты хочешь избавиться от этого ярма.

— Всё изменилось, Шокер. И ярмо — тоже не самая большая моя проблема. Не трогай меня лучше со своими советами. Всё изменилось разом.

— Я это ещё вчера понял, — усмехнулся он. — Когда ты пришла выпрашивать, в чём виноват Тайлер. Тут было, в общем-то всего два варианта. Первый: ты просто дурочка, которой Тайлер успел мозги запудрить какими-то байками. Но на дурочку ты не похожа, хотя, конечно, я глубоко не копал... И второй вариант: ты лично заинтересована в деле, неважно по какой причине. Это очень плохой вариант, очень опасный для всех, чреватый провалом задания...

— Поэтому ты прицепил ко мне жучок, — перебила я его.

— Точно. Именно поэтому. Вчера на причале мне было очень стыдно перед тобой за то, что не продумал всё до конца, позволил объекту напугать и покалечить тебя. Я отнёсся к тебе, как к жертве, — он покосился на меня и закончил сурово. — А ты не жертва. Ты игрок. Мне надо было убедиться в этом.

— Ну и как, убедился? Ты же сейчас слышал нас, от самого Дроттингатана до этого чердака. Значит, ты знаешь, что сегодняшнюю встречу я не планировала. Он пришёл сам.

— Да, знаю. Я даже впечатлён его самоотверженностью, — пожал плечами Шокер. — Но это ничего не меняет. У меня задание взять Тайлера, и я его выполню.

— А у меня теперь есть цель — спасти его от тебя. Не знаю, как я буду это делать, но я сделаю.

— Нет, Пятачок. Не получится у тебя... — Шокер уверенно покачал головой. — И ты зря открыла карты, зря сказала про цель. Я это оценил, конечно, но это тоже ничего не меняет.

— Да я понимаю, не оправдывайся.

Я подняла голову и повернулась к нему. Шокер смотрел на меня очень странным взглядом, в котором непонятно, чего было больше, осуждения или боли.

— Да что ж мне так везёт-то, — сказал он с досадой, отворачиваясь. — Второй раз на одних и тех же граблях, это же немыслимо.

— Это другие грабли, Шокер. Не расстраивайся, ты не виноват.

— Да я и тогда был не виноват, когда Лёшку своей рукой застрелить пришлось, — хмуро отозвался он, потирая лицо. — Что мне, легче от этого, что ли?

— Скажи мне, что должно случиться, чтобы ты перестал бегать за Тайлером?

— Известно, что, — твёрдо сказал он. — Департамент должен отменить задание.

— Неважно, по какой причине?

— Мне — неважно. Это им там, наверху, важно, что сказать в оправдание друг перед другом.

— Хорошо. Я поняла. Я что-нибудь придумаю.

— Ничего ты не придумаешь, — угрюмо проговорил Шокер и вздохнул. — Я тебе сейчас расскажу, что будет дальше. Я на тебя сейчас наручники надену, выведу на улицу, посажу в машину. И на Престгатан тебя круглосуточно будут пасти по очереди Скай и Лис. И Тайлер придёт сам. Он уже показал, что готов рисковать ради тебя. Он тоже парень не промах. Мы

следим за ним, а он, наверняка, за нами, и у него есть для этого возможности, о которых я даже не подозревал. Поэтому он поймёт, что после сегодняшнего ты под арестом. Похоже, он не допустит, чтобы его женщину из-за него отправили на каторгу. И он придёт.

— Ну, ты и... мудёр. Вот уж во всех смыслах этого замечательного слова.

Шокер отвернулся от меня так, что я совсем не видела его лица.

— Я выполняю свою работу, — со злостью сказал он.

— И ничего личного, да?

— Абсолютно. Кто-то должен делать эту работу. Я взялся, значит, я её делаю.

Это мне лишний раз наука. Вовремя надо забывать свои дурацкие детские восторги. Милый парнишка, сказочный принц-спаситель возмужал и стал педантичным исполнительным карателем. И упрекнуть его совершенно не в чем. Он прав: кто-то должен этим заниматься и делать эту работу честно.

— Хорошо, Шокер. Делай, что должен, а я сделаю, что смогу.

Я взялась за телефон, открыла список звонков и вызвала Йана.

— Привет, Йан!

— Это неожиданно, — весело отозвался он. — Но я рад так скоро тебя услышать.

— Я по поводу моей проблемы, Йан. Я соврала. Без тебя мне не справиться. Никто не поможет, кроме тебя.

— Ну, говори, говори, — заторопил Йан.

— Отзови, пожалуйста, задание на арест Тайлера.

— Эээ... — командор замолчал. Потом осторожно продолжил. — Извини, не понял. Хочешь, чтобы я забрал тебя из группы? Несмотря на срок контракта?

— Нет. Я прошу тебя отменить задание, которое ты выдал Шокеру.

Командор на том конце думал. Ничего, он толковый мужик, сейчас всё быстро сообразит.

— Значит, так, — начал он. — Я, конечно, начальник Шокеру. Но заявка на операцию исходит от имперской канцелярии, это вопрос безопасности, и наш департамент лишь исполнитель. Я могу только приостановить операцию, а отменить её совсем может только канцлер...

— На сколько ты имеешь право приостановить?

— На месяц максимум, и то надо смотреть конкретные обстоятельства... Но, Кира, с чего бы мне это делать? Ты же свободная женщина, я правильно помню? Разве свободная женщина бежит к бывшему любовнику, чтобы защитить нынешнего? Я, по-твоему, совсем идиот бесхребетный?

— Йан, ты ведь никому на слово не веришь. Но у тебя есть доступ к досье наёмников? К первичным данным?

— Да, есть. И что?

— Моё дело ты, видимо, наизусть помнишь. Сам писал. Проверь первичное досье Тайлера. Чтобы зря воздух не сотрясать, проверь сам, пожалуйста!

Видимо, мне не удалось спрятать истерику в голосе, потому что командор не задал больше ни одного вопроса, просто коротко бросил:

— Хорошо, я проверю. Не выключаю телефон.

Я сбросила вызов. Связь с архивами поверхности отсюда не быстрая, но для командора постараются.

— На что ты надеешься? — спросил Шокер.

— На милость Божию.

— Долго придётся ждать, — фыркнул он.

— Нет. Надеюсь, что у меня всё получится. Если ты не торопишься отвезти меня на Престгатан, мы можем немного подождать здесь? Пока командор пошлёт кого-нибудь слетать в архив, пока обратно...

Мы ждали почти час. Шокер молчал, иногда немного ёрзал в пыли, покашливал, но, в основном, сидел, откинувшись на стену, и дремал.

Наконец, раздался звонок от Йана. Я ответила и включила громкую связь.

— Ты посмотрел?

— Посмотрел, — голос Йана прозвучал печально и строго. — Мне очень жаль, Кира. Правда.

— Спасибо, что тебе жаль, командор. Хоть кому-то жаль.

— Я могу приостановить. Не на месяц. Максимум на неделю, иначе меня не поймут. Там всё очень серьёзно. Твой брат умудрился попасть в разряд опаснейших государственных преступников. Я могу сочинить особые обстоятельства, которые заставят меня на неделю свернуть любые действия по поиску Тайлера. Но приостановка активности не означает амнистии. И если он сам в течение следующей недели придёт в руки к ловцам, они обязаны будут его взять. Ты это понимаешь?

— Я понимаю. А потом, через неделю?

— А потом его начнут снова активно ловить и поймают всё равно, хоть и с небольшой отсрочкой.

— А дальше?

Йан помолчал, но всё-таки ответил:

— По совокупности содеянного я не вижу в перспективе ничего другого, кроме смертной казни.

— Что-нибудь можно сделать? Вообще? В принципе?

— Не знаю. Надо думать... Дай трубку Шокеру, я распоряжусь.

— Он слышит.

— На неделю сверни всё, Шокер, — произнёс Йан. — Просто пауза. Приостанавливаем, это моё решение. Если через неделю не поступит никаких приказов от меня, возобновляй. Всё понятно?

— Да, понятно.

— Кира, так что со спальней-то? — спросил вдруг командор. — В голубой? Или в цветочек? Мне тут образец показали: шикарная сакура, очень нежная, прямо как мы с тобой тогда в Осло застали.

— Йан, сделай что-нибудь, пожалуйста! Я прошу тебя!

— Это не в моей власти, Кира.

— Пожалуйста, Йан! Спаси брата, я тебя умоляю!

— А у меня, честно говоря, нет никакого стимула забивать себе этим голову и портить отношения с высокопоставленными чинами. Никакого интереса пока нет, если ты понимаешь, о чём я... — натянуто проговорил он, а потом весело переключился. — Так что с обоями-то? Реши уже что-нибудь.

— Хорошо, Йан. Давай в цветочек, — сказала я, едва сдерживаясь, чтобы не зареветь. — Йан. я всё сделаю, что ты захочешь, только спаси брата, пожалуйста... Пожалуйста!

— Ты переедешь на набережную?

— Да.

— И всё будет, как раньше?

— Да.

— И ты снова будешь ласковой послушной умницей?

— Да, Йан.

— Отлично... Шокер, слышишь меня?

— Слышу.

— Я забираю у тебя Апрель, всё равно вы неделю отдыхаете. Через неделю пришлю тебе другого проводника, не хуже, — сказал Йан. — Кира, я пока ещё здесь мотаюсь по делам туда-сюда, но, как только смогу, выберусь за тобой. Побудь в Стокгольме.

И он сбросил звонок.

Я отвернулась от Шокера, чтобы не показывать ему, как побежали слёзы по щекам.

— Не надо, — мягко сказал Шокер. — Тебе сейчас нужно дышать спокойно и глубоко, а то не ровен час опять кровь пойдёт. Не плачь. Побереги себя.

Я поспешно вытерла слёзы, размазав их рукавом по лицу.

Я с трудом встала на ноги и отошла подальше от собственных кровавых лужиц на грязном полу. Шокер тоже поднялся и стряхнул с себя пыль.

— Пойдём, я отвезу тебя назад.

— Ты отвезёшь меня за вещами. На Престгатан я не останусь. И ты не имеешь права меня удерживать, ты слышал приказ.

— Об этом поговорим позже, — сурово отрезал он. — Пока нам надо вернуться и довести до группы распоряжение командора. А то они до сих пор продолжают операцию по разработанному плану.

Я пошла следом за Шокером вниз по крутой узкой лестнице.

[Купить полную версию книги](#)